

ИНСТИНКТ САМОСОХРАНЕНИЯ

Елена Робертовна Счастливицева родилась в Москве. Архитектор, генпланист, работает в архитектурной студии. Прозаик, публиковалась в журналах РЖД, «Север», «Гостиный Дворь», «Традиции & Авангард», «Новый журнал», коллективных сборниках русскоязычных авторов «Скифия», сборнике «Заповедная строка» Государственного заповедника «Брянский лес». Лауреат второй премии Международного литературного конкурса имени В.Г. Короленко (2013), конкурса «Молитва» (2022). Живёт в Санкт-Петербурге.

Глава 13

Чтобы хоть чем-то заняться, они гуляли в лесу, либо по заросшей дороге вправо, либо влево от деревни, подальше от грибных мест и где проще гулять с ребёнком. Одна из дорог, та, по которой ночью они тащились с вещами, сдавливающая темнотой и неизвестностью, вызывая первобытные страхи, днём оказалась широкой и ровной, с блестящими шляпками маслят, запутавшихся в тонких острых травинках или зарывшихся в песчаных проплешинах. По обе стороны от дороги увенчанные кудрявыми кронами сосны поднимались по склонам холмов, покрытых мягкими волнами мха с бело-жёлтыми пятнами поганок и красными зёрнышками ягод, брусничником, дымчато-зелёным, если смотреть против солнца. Пахнувшие смолой и сухим теплом в летний день, осенью

сосны темнели влажными коричневыми стволами, беспрепятственно пропуская льющияся с небес хляби. Мягкий мох чавкал под ногами, выдавливая из своей глубины холодную тёмную воду.

Петя сажал дочку на загрибок, и они, не замечая грибов, пересекали по дороге бор, спустились к бурому, текущему из торфяного болота ручью, сворачивали на другую дорогу, также нехоженую, и поднимались в гору. Мох, сизый и травянисто-зелёный, сменялся развесистым папоротником, светлые, редко растущие сосны — тёмными теснящимися елями, а вскоре и ели раздвинулись вокруг поляны с трепетными покрасневшими осинами, с берёзами в жёлтом ореоле поредевших листьев. Беспорядочные кусты сирени в скукоженных серо-коричневых листьях, золотарник, любимец кладбищ и старушечьих палисадов, облепленные лишайником яблони с мелкими красными яблоками — везде чувствовались следы ушедшей жизни, всё говорило о том, что ещё не слишком давно на поляне, зарастающей мелкими деревцами, стояла деревня, но не сохранилось от неё ни названия, ни остова дома, ни брёвнышка, ни кирпичика от печки. И где те люди, что здесь жили, и как их звали, и где нашли упоение, уйдя в землю, как и камни, на которых крепко стояли их избы?

Петя опускал дочку на землю и, пробравшись через заросли кустов и одеревенелой таволги, рвал Ане мелкие жёлтые цветы золотарника.

— Петя, смотри, яблоки, а у нас пусто. Сорви, я пирожок испеку, — промурлыкала Аня.

Пирог в их жизни стали одним из главных развлечений.

И, вручив Ане цветы, Петя исправно тряс яблоню; отрываясь, с глухим стуком, одно за другим, со всех сторон от прижавшейся к стволу дочки, яблоки падали, исчезая в высокой траве.

— Яблоня-яблоня, — обращалась, наклоняясь к дочке, Аня, — укрой меня своими веточками...

— Да, ничего, вкусно, — Петя грыз, подняв, толстокожее мелкое яблоко.

Из леса они возвращались с корзинами красных яблок с прилипшей к ним мокрой травой, с растрёпанным букетом жёлтых цветов, а в небе, под низкими рваными облаками, немазаной телегой скрипел и гоготал гусиный клин.

Дома, топая пятками, одетыми в тёплые войлочные чуни, Маня бегала к окошку, глядела на реку, просто глядела, как когда-то Улита, шлёпая босяком, белобрысая девочка-стригунка, или её малолетняя бабушка, или тётка — детский портрет в раме наличника. Река бесконечно текла мимо, на противоположном берегу поднимался

лес, одни деревья падали, заменялись другими незаметно для простого глаза. К берегу причаливала лодка, за ней другая, нагруженная глиняными горшками на продажу, мал мала меньше.

«Тётки, молодки, идите на лодки!

За горшкам, за муровкам, за красной посудой...»

Из домов на реку высыпали бабы и за свои убогие сбережённые копеечки покупали горшки, на мгновенье почувствовав себя богаче.

Зажмурив один глаз, сморщив гармошкой нос, Маня крутила волшебную трубу калейдоскопа, направив его на солнце: сияющие самоцветы складывались в бесконечно прекрасные узоры. Повернуть калейдоскоп обратно, вернувшись в прошлое, не получалось, возникал новый диковинный цветок, и те, что распускались до него, забывались.

Из хлева, бывшего жилища бывшей коровы, когда-то зарезанной и съеденной без всякого сожаления, или проданной, но всё равно зарезанной, Петя извлёк самодельный стол, грубо сколоченный из сподручных досок, а потому маленький и неудобный. Сидеть за ним можно было разве что боком, ноги деть некуда, руки положить — только сильно сгорбившись, но, судя по количеству выбоин в столеш-

нице, им долго и успешно пользовались. Главное для самодельной мебели — быть крепкой и чтобы древесины на неё хватило, а расслаживаться за столом нечего, не баре. Отскоблив и окатив кипятком, Петя вынес стол под яблоню с двумя несорванными, недосягаемо висящими яблоками. Предполагалось пить здесь в ясную погоду чай, свежезаваренный, кирпично-красный, вдыхая поднимающийся из чашки пар, наслаждаясь последним осенним теплом.

В трёхлитровую банку Аня наливала речную воду и ставила с рассыпавшимися веером цветами посреди стола, рядом в глубокую фаянсовую миску со сколами выложила холодные душистые яблоки.

— Готовый натюрморт! — воскликнула она.

Пирогом Аня занялась на следующий день, поставила в эмалированном бидоне тесто, отгоняя Маню, заинтересованно крутившуюся рядом, ожидающую, когда оно вспухнет и поползёт вверх. Взобравшись на стул, девочка заглядывала, как Аня снимает с бидона полотенце с прилипшим ноздреватым тестом.

— Хочу пых! — и, получив в руки столовую ложку, Маня протыкала не единожды тесто, и, прежде чем оно опадало, полудался «пых».

Петя спустился в сарай за дровами и, возвращаясь с охапкой, старался не задеть сухим листком колышущуюся от лёгкого дуновения невидимую Улиту.

Выложив колодцем положенные восемь полуметровых поленьев, Аня подожгла внутри бумагу со щепками и, дождавшись, когда разгорятся, сдвинула вглубь печи.

Спалив предварительно несколько пирогов и столько же раз разбив свои надежды в хлам, Аня решила на мастер-класс, пригласив бабу Маню. Старуха, заглядывая в мерцающую углями печь, раскидала их кочергой, закрыла заслонку, велела ждать двадцать минут. Затем опять, согнувшись, лезла в печь с кочергой и совком, выгребая все угли и перенося их в плиту, презрев даже намёки на технику безопасности. В чистую печь она поставила пирог на пять минут, вытаскивала, проверила и вернула ещё на пару минут.

— Теперь, — сказала старуха, — печь готова для щей, чтобы томилась. Ты начинай их готовить до пирогов, когда дрова горят.

— А потом вытаскивать? — уточнила Аня.

— Вытаскишь, а после пирогов опять поставишь, только проверяй, Танюшка, проверяй. Воды подливай, чтобы не сгорели.

— Да, а то мы суп вилками ели.

Руки у Ани, привыкшей с детства лепить и рисовать, были хорошие, она совладала с печкой, пироги ей удавались идеально круглые, аккуратные, с ровненькой сеточкой, а Ленка пекла их бесформенными, большими, от души, подтверждая высказывание, что у жадной хозяйки вкусных пирогов не бывает, и отрезала она от них не куски — шматы.

Заварив чай и перетащив на стол под яблоню красные чашки с белым горохом, Аня вынесла пирог, укрытый полотенцем, чтоб не остыл. Сняла полотенце — все ахнули:

— Как на картинке!

Но, глянув на сникшую Ленку, Мишка, засмеявшись и обняв, звонко чмокнул:

— Да что ты, ей-богу, соревнования у вас, что ли?

Все вместе они сидели за аутентичным деревенским столом, выглянувшее из-за сизых туч вечернее солнце светило на уровне глаз, заставляя щуриться, а лёгкий осенний ветер шуршал в траве сухими листьями.

Петя с Аней гуляли и в стороне, противоположной от бора. Лес там рос — кишачая зудящими комарами и зудящая жалящими слепнями мелколиственная сельва, не пропускающая ни свет, ни ветер. Ивы перепутались с осинами, ольхой, чахлыми кривыми берёзами; гнилые

пни, коряги поглощались вечно влажной чёрной прошлогодней листвой; мелкий облысевший ельник царапал лицо, и преграждали путь, заставляя вернуться, рухнувшие великаны с гроздьями шишек, с вышвырнутыми веером сухими семенами, с вывороченными плоскими корнями, с лапами в сочных тёмно-зелёных иглах.

Через лес шла дорога, когда-то утопанная лошадиными копытами, гнутыми деревянными колёсами телег, привычными к ходьбе крестьянскими ногами, обутыми в валенки, лапти, чуни, а то и просто босиком. Раскисшая, много лет неезженная, сужающаяся до тропинки со склонёнными аркой деревцами дорога петляла параллельно реке к бывшей усадьбе, спальной дотла в числе самых первых. И чем ближе дорога подходила к усадьбе, тем становилась всё более и более живописной. Оказалось, что среди этой лесной нечисти у поворота дороги достаточно не вырубать несколько деревьев или посадить новые, и захочется остановиться, задержать взгляд. Вынырнув из чащи, стряхнув с себя труху, паутину, лесных блох, клещей, в обрамлении берёз, дорога пересекала ещё не заросшее кустарником поле, сбегаящее с высокого берега к реке и выскокшее на противоположном бе-

регу, чтобы подняться к лесу, за который уплывали пухло взбитые облака.

Следуя за выстроившимися в ряд уже постаревшими берёзами, в тонкой зелёной траве росли крепенькие черноголовики с толстой высокой ножкой, с аккуратной маленькой шляпкой. Остатки аллеи с берёзами сменялись клёнами, липами, старыми, регулярно посаженными, и молодыми, привольно растущими, подступающими к руинам фундаментов, перелезая за их границы. Из усадебного дома должен был открываться вид на реку, а с веранды — в сад, где, несмотря на близость реки, вырыт круглый пруд, так заведено: дорожки, клумбы, беседки. И только пристально вглядываясь в сохранившуюся планировку, остатки фундаментов, Петя смог разобраться, где был сам дом, а где хозяйственные постройки.

Молодая полосатая роща пестрела в глазах тонкими берёзовыми стволами, кусты шиповника с редкими распластанными цветами, с плодами, перемешались с красной смородиной, мелкой, почти полностью опавшей или склёванной птицами, над заросшим прудом склонилась к воде черёмуха, опустив голые ветви с редкими багряными листьями в чёрную непрозрачную воду. И ни звука не доносилось из леса, тишина и забвение.

Улетели давно ласточки, собрались в один день — и раз, нет их. Растворились целыми стаями в небе маленькие соловьи, жаворонки, малиновки, трясогузки, пеночки. Исчезли, оборвав привычное порхание и радостное щебетание, свист, чириканье, установив мёртвую тишину. Только выпотрошенная, взрытая кабаньими копытами и клыками земля указывала, что здесь ещё кто-то бывает. Или вдруг зашумит где-то ветер, и этот шум приближается, и колышутся ветви, ближе, ещё ближе, и уже над головой раскачиваются стволы деревьев, и до звона шелестят листья. Пусто.

Всё сравнялось с землёй, до основанья, и те, чья деревня исчезла за бором, и те, что жили в деревне бабки Мани. Оттого на многие километры вдоль реки в живых осталась одна старуха со своими коровой и лошадьё. Всё уничтожено, всё переколошматили, включая барское добро: стулья, столы, даже кастрюльки, латки, гусятницы — ничего не утащили в свои тёмные утлые скворечники, освещаемые только в слепое зимнее время, да и то лучинами или коптящими дешёвыми свечами.

Петя занялся заготовкой дров. Причин имелось несколько: во-первых, за зиму они спалют хозяевам всё, во-вторых,

делать ему было нечего. Если у Ани была привычная готовка, в деревенских условиях занимавшая времени гораздо больше, то многочасовое сидение с удочкой делом назвать трудно. Внимательно ознакомившись с найденными «Поднятой целиной» и «Календарём садовода», так и не взявшись за изучение автокада, Петя решил: пора.

— Баба Маня, — спросил он у старухи, — как мне купить порубочный билет?

Сведения о заготовке дров всплыли если не из полученных и ненужных знаний, то из чего-то прочитанного и забытого.

— Чего? — недоумённо переспросила она. — Иди в лес и руби.

Петя помнил про лошадку, везущую хворосту воз.

— А лошадь?

— На кой тебе лошадь?

— Дрова возить.

— Зимой возят, на санях!

«Точно, — подумал Петя. — Его лошадка, снег почуя...»

Вопрос с дровами сам не исчез. Жердины и мелкий валежник, приносимый Петей из леса, как и выловленный топляк из тех, что сплавляли, устилая дно реки в послевоенные годы, проблемы не решали. Таскать хозяйские дрова раз от раза становилось неприятнее. На его счастье, подгнив у основания и оборвав провода, рухнул электрический

столб, «столоб», деревянный, непросмолённый, причём так удачно: ни на крышу Петиного дома, ни на то место, где минутой ранее стояла Аня с дочкой. Вся деревня — три жилых дома — погрузилась на несколько дней в эпоху керосиновых ламп и ранних громких зевков. И если бабка Маня либо не зажигала лампу из экономии вовсе, либо сидела против неё одна, поджав беззубый рот, то Ленка с Мишкой или Аня с семейством сидели рядышком, замкнутые освещённым кругом, отделяющим уют от темноты.

Прибывшие электрики прикрепили к дому Пети времянку, предоставив старый столб в его полное распоряжение. С тупым упорством Петя в одиночку, щадя Аню, принялся пилить столб на полуметровые чурки, пока Мишка не застал его за этим занятием. Вдвоём они живо прикончили оставшуюся часть бревна, и Петя с приятным ощущением силы, с треском раскалывал колуном кругляки. Образовалась куча опилок и щепок, и вечером с Аней они пекли на берегу картошку, о которой пели в пионерском детстве. Журчала река, обходя валуны, и уползали в чёрное небо горящими змейками искры. Маня, согревшись и сомлев, глядя на пляшущее пламя, отражающееся в её зрачках, спокойно и крепко засыпала, не

требуя ни сказки, ни книжки, ни песенки, в кровать её несли на руках. Можно было назвать идиллией такую жизнь, сблизившую их, лишив противоречивых черт и в отсутствие изменчивых забот и новостей спаяв в одно целое. Об Андрее Аня не вспоминала совсем, не получалось. В её новом течении дней, на клочке земли между рекой и лесом, среди вечно меняющейся осенней природы, под небом, то пасмурным, то иногда ясным, он казался таким инородным телом, таким чужим и непонятным, что мысли о нём, не задержавшись, скользили прочь.

Незаметно тени от деревьев вокруг дома удлинились настолько, что подобрались к ступеням крыльца, поглотив лужайку под окнами. Погожих дней становилось всё меньше и меньше, дожди, сменяющие один другого, смыли все краски осени, обесцветив небо, лес и даже грибы, сделав их прозрачно неразличимыми. Ещё день или два назад гуляли в притихшем заплаканном лесу, пропитанном туманом, выковыривали изо мха подберёзовики с мокрой деревянной ножкой, с набухшей от воды шляпкой, с приклеенным слизнем и без единой червоточинки из-за холода, а нынче только и гляди в окошко на нескончаемый дождь и ветер, гнуций к земле тёмные остовы цветов и деревьев.

Неожиданно для себя Петя решил заняться моржеванием, чтобы потом рюмка водки перед обедом, с горькушкой на закуску, предшествовала горячему дымящемуся супу. Осенние купания прервались распухшим носом, красным горлом и температурой 37 градусов. Петя страдал, трагически заявив Ане, что вот-вот умрёт.

— А вот и мы, — в дверь постучали и сразу вошли Ленка с Мишкой.

— Что случилось? — Ленка поймала Анин встревоженный взгляд.

— Ничего. Петя в соплях, без чувств, на кровати.

— Да нужен он нам! — отмахнулся Мишка. — Вот на пробу хреновуху принёс и огурцы, тоже с хреном. Комплект! — Мишка выставил на стол самогонку и банку с огурцами.

— Вы мне в кровать принесите.

— Ща! Десять капель, — крикнула ему в комнату Аня.

— Да иди к нам, нечего тебе валяться, — звал Мишка.

— Я вас заражу.

— Нас не проберёт. Давай, живо вылечим.

Петя быстро оказался за столом, завёрнутый в одеяло, с салфеткой вместо носового платка в руке.

— За твоё здоровье, — Мишка разливал хреновуху по стопкам.

— Ребят, у меня щи серые в печке, — Аня резала огурцы.

— Вообще-то мы обедали...

— Мишка засмеялся. — Но ради серых щей...

И Аня вытаскивала томящиеся щи. Отобедали все, кто первый раз, кто второй.

— Да что мы всё время едим и пьём? — возмущалась Ленка.

— А что тут ещё делать?

— Да, — вытер нос Петя.

— Мы и Новый год будем хреновухой встречать?

— С молочным поросёнком! — почти прокричал Мишка.

— Я не ела никогда, — Аня взглянула на мужа.

— Я тоже.

— Вы никогда не ели молочного поросёнка? — казалось, Мишка потрясён таким признанием.

— Ну да...

Все трое, включая Ленку, были не только удивлены, но и пристыжены таким упущением.

— Я тоже! Ха-ха-ха, — Мишка первый засмеялся своей шутке.

— Да ну тебя. Где ты его возьмёшь?

— Не, это не важно, поросёнок или гусь...

— То есть как это не важно? — сопротивлялся Петя.

— Главное, — продолжал Мишка, мечтательно откинувшись на стуле, — мы такой фейерверк забабахаем, костёр разведём до неба...

Глава 14

Ночью Ане снился салют. Разноцветные огни распускались в небе яркими мерцающими хризантемами, раздавался грохот выстрела, и на небе зажигался новый цветок, его лепестки медленно опускались на её щёки, под самые длинные загнутые ресницы. Аня проснулась: в дверь колотили.

— Ребята, откройте, — услышала она голос Ленки.

Петя выскочил в сени, не одеваясь, в чём спал, включил свет, распахнул дверь, увидел красное, безобразно распухшее Ленкино лицо. Он смотрел в её отёкшие глаза с мокрыми ресницами и знал, что она ему скажет. «Ну, пожалуйста, не говори мне это, — мысленно умолял он, — позволь мне быть в неведении».

Но Ленка сказала сухо и коротко:

— Мишу убили.

— Проходи, — Петя не чувствовал ничего.

Вчера дом заполняли смех и веселье, утром — нет человека, как выключатель сработал: щёлк — и всё. Ленка вошла в дом, привычно склонив голову в низком проёме. Аня встретила её удивлённым, встревоженным взглядом широко раскрытых сухих глаз.

— Чаю хочешь?

— Да, мне холодно, — Ленка стукнула зубами, её трясло.

Зашумел чайник. Выключился. Аня налила в чашку заварку, булькающий кипяток, поставила вазочку с простенькими конфетами.

— Нет, сладкое не хочу, — обхватив чашку двумя руками, Ленка с шумом глотала горячий чай, уставившись на цветочки клеёнки на столе. Из комнаты вылезла разбуженная Маня и забралась Пете на колени.

— Ночью убили, как от вас пришли и спать ложились. Я еле вытерпела до утра, — часы показывали шесть.

Поздно вечером, чтобы успокоиться после шумных посиделок, Ленка раскладывала пасьянс, замирая и обдумывая, куда бы положить следующую карту. Мишка уснул сразу, не раздеваясь, на диване. Так и не справившись с пасьянсом, она его разбудила, сказав, что пора ложиться в кровать. Мишка послушно вышел в сени. Спыхватившись, что его долго нет, Ленка услышала приглушённый звук моторки. Станный звук, он появился не издали, нарастая, а рядом, на малых оборотах, вполсилы, и ему предшествовали редкие шлепки весёл. Удаляясь всё быстрее и быстрее, звук не утихал, нарастал.

Раздражаясь на Мишку за долгое отсутствие, Ленка крикнула, ещё раз, и ещё. Без ответа. Сердито открыв дверь в сени, увидела его на полу, с перерезанным горлом, рука сжимала нож, глаза, не мигая, смотрели вверх, туда, где должно быть небо. Ленка пыталась нащупать пульс и даже побежала за зеркальцем, своим, из косметички — всё без толку. От Мишки осталось никому не нужное тело, и она вдова.

Зажав рот, затолкав в него вытянутый рукав свитера, сдавив его зубами, чтобы не голосить, она мычала, обливаясь слезами. Она сползла на пол, колотила руками себя, стены — не помогало ничего. Горе было внутри неё, и оно не уходило. Обессиленная, она сидела через порог от Мишки, смотрела на него, он — мимо, вверх.

Помимо воли приходили организационные мысли: дождавшись утра, сбегать к ребятам, вызвать милицию, врача, констатировать... У неё начинается новая жизнь, и она такую не хотела. В ответ раздалось многократное шуршание и писк: к Мишке с разных сторон подбирались крысы, для них он еда, хоть и неостывшая. Хлопнув по полу кулаком, Ленка отпугнула их на некоторое расстояние, ожидающих, когда можно... Включив везде свет, громко топая ногами и гремя стульями,

она натащила клеёнок, полиэтилена от теплиц, газет, укрыла ими Мишку, обложив по периметру поленьями, чтобы не пробрались, и села на пол рядом сторожить. Проваливаясь с открытыми глазами в сон, в помутнённое сознание, она слышала осторожное шуршание и, вздрогнув, видела блестящие потные глазки без зрачков и остренькую мордочку. Замахиваясь на крысу, Ленка плакала от бессилия, от непреодолимого желания спать, от жалости к Мишке и себе. Под утро она рассыпала вокруг Мишки всю имеющуюся крысиную отраву, вытащила из холодильника сыр, колбасу, разбросав их в сенях, и побежала к Пете с Аней.

Петя с шумом вздохнул, выслушав Ленкино повествование, снял с коленей дочку и, как и был в трусах и футболке, удалился в комнату, вышел одетым, взял с вешалки шапку, куртку...

— Ты куда? — Ленка и Аня спросили хором, ожидая от него действия, которое всё сможет исправить.

— В больницу пойду, оттуда врачу домой позвоню, милицию вызову.

Ответ его вернул их к действительности. Ленка расплакалась с новой силой, услышав о ещё непривычной ей смерти от другого.

— Мы детишек хотели, — выдала она и, коротко, судорожно вздохнув, прорыдала, разведя руками, — не получалось.

Лицо её сжалось в красный безобразный комок. Петя, ожидавший паузы, вышел, Аня расплакалась, театр одного актёра с двумя недоумёнными зрителями закончился, смерть стала реальностью.

— Случилось чё? — в дверях появилась бабка Маня.

В темноте у реки Петя искал фонариком лодку, вызвав на поверхности воды веерный всплеск проснувшихся мальков. Не торопясь, он отчерпал из лодки воду, шкрябая по дну пластиковой бутылкой с отрезанным днищем, поднялся на склизкий берег, вытащил из земли штырь с цепью и, оттолкнувшись, сел на вёсла. Лодка пересекала чернильно-чёрную реку, выглянувшая из-за рваной тучи луна расцвечивала круги на воде от вёсел — бликовали голубовато-белым цветом. Переправляясь почти вслепую, Петя причалил чуть ниже и монотонно гремел в темноте сапогами, шагая в деревню.

В больнице горел свет, старухи во фланелевых халатах шаркали по коридору в отхожее место и обратно, дородная медсестра сидела за столом.

— Мне бы доктору позвонить, — пояснил Петя.

— Не знаю, может, не отдохнул ещё, он у Верки роды принимал, — и, хотя Петя рожицу не знал, продолжала: — Недогуляла чуток, с мужиком своим поругалась, и нате вам...

Петя попросил позвонить в милицию; выслушав его, сестра рассеянно проговорила:

— Уж не Колька ли это?

— Какой Колька? — живо переспросил Петя, словно это что-то меняло.

— Да нет, это я так... — смутившись, она ушла разносить по палатам новость и градусники.

Доктор не спал, просил обождать, и уже вдвоём на узкой тропе вдоль реки они чавкали в грязи и гремели не в такт сапогами.

— Говорят, Михаил этот бандитом был. Не слышали? — в сапожищах до колена, доктор, вдвое ниже Пети, обернулся, привычно ища вверху глаза собеседника.

— Нет, — слова доктора больно полоснули Петю, диссонируя с их вселенским горем.

— Кто сейчас разберёт, вот и вы тоже не просто так здесь, интеллигентный человек. Но, знаете, пальма сама по себе в тундре не вырастет, как и прыщ на здоровой поверхности, условия нужны особые.

Петя не отвечал. «Так бы шёл и шёл, — думал он, — только бы не приходиться в этот дом и не

видеть там его». Но он увидел сначала очертание человека под тем, что накидала на него Ленка, затем и его самого.

Осматривая Мишкино тело, доктор пробормотал:

— Здесь профессионал работал, чётко, — и, глянув на застывшую Ленку, сказал: — Вы мне очень не нравитесь, лицо красное. Дайте-ка я вам давление измерю. Пойдёмте в дом.

— Я нормально, — прогундосила Ленка.

— Давайте, давайте, поднимайте рукав, — не обращая внимания на её препирательства, велел он и, подойдя к столу на кухне, открыл чёрный матерчатый портфельчик, столь любимых мастерскими мужичками и Петиными молдаванами за функциональность и дешевизну. Доктор достал манометр.

— У вас сто восемьдесят на сто десять, ложитесь в комнате на кровать, сделаю магнезию, правильно, что я её захватил.

Покончив с официальными бумагами, доктор протянул Ленке листочек:

— От давления пить будете, не шутите с этим.

Провожая доктора к реке, Петя услышал с другого берега фальцет:

— Милиция, эй! Перевези!

Предрассветная темнота сменялась сумерками, плотным туманом, бельмом, поглотившим и берег, и реку, и лес за ней.

— Идём, идём! — отозвался на крик Петя.

— Вам повезло, — заметил доктор. — И меня перевезёте, и милиционера заберёте.

Переправившись через реку, Петя ступил в воду из лодки, вытащил её, чтобы доктору удобнее было вылезать, а милиционеру залезать. Милиционер в нерешительности стоял поодаль: он приехал в ботинках и брюках, гармошкой сидящих на его тощих кривых ногах. Ни лихо задранная пропеллером фуражка с кустистым гербом, ни погоны на узеньких плечиках, сжимающих впалую грудь, доблестного впечатления не производили. Желание нести стража к лодке на руках у Пети не возникало. Милиционер аккуратно, на цыпочках и ещё более кривя свои ноги, пробрался по грязи к лодке, сел на мокрое сидение, посмотрел вниз: на брюках висели ключья репья, к ботинкам ошмётками прилипла рыжая глина.

— Как у вас тут... — заметил он.

— Впереди ещё другой берег и дорога обратно. Могу за сапогами сбегать, пока вы в лодке сидите.

— Не надо, меня напарник в машине заждётся... ещё много вызовов...

Осмотрев тело и выслушав Ленкин рассказ, милиционер заключил:

— Типичное самоубийство после распития спиртных напитков.

— Как?! — опешила Ленка, — А звук моторки?

— Там от калитки до воды следы от ботинок, прям как трактор, — вставила торчащая рядом бабка Маня.

— Послушайте, какая-то моторка, какие-то следы. Кто-то здесь сел в лодку рыбу ловить и неизвестно где вылез. Мне что, всю реку прочёсывать? Есть ещё в деревне люди?

— Нет-нет, — торопливо за всех отвечала бабка Маня. — Вот только ещё его жена, — она кивнула на Петю, — с ребёнком.

— Видите, — терпеливо убеждал милиционер, — главное — нож. Во-о-о-т.

— Он левша, а нож в правой... Как упал он, я не слышала.

— Ну и что?

— Это вы нас так защищаете? — не унималась Ленка.

— Лена, хватит, — одёрнул её Петя. — Ты не поняла?

— Да, защищаем! Вы же подозреваете кого-то?

— Подозреваю...

— Во-о-о-т. Вас они не тронули, в доме были, но не тронули, — членораздельно разъяснял ситуацию страж. — Начнёте дёргаться — плохо кончится. И нам глухарь ни к чему. Всё, тело можете убирать, — он встал.

Втроём они смотрели на лежащего на полу Мишку.

— Ленушка, — засуетилась старуха, — я всё, всё уберу, иди к Танюхе. Скажи, куда его перенести.

— Куда хотите, — Ленку медленно обволакивало бессильное равнодушие.

— Я на диван положу, хорошо?

— Положите на диван и заверните его, чтоб...

— Поняла, поняла, хорошая.

Ленка ушла вслед за Петей и ментом, старуха осталась один на один с покойником. Застелив диван клеёнками и полиэтиленом, крикнув, она подняла Мишку с пола и, семеня полусогнутыми ногами, едва дотащила до порога, в избе до низкого дивана и, почти сбросив, долго со свистом вздыхала воздух под бешеный стук сердца и крови в висках. Отдышавшись, она нашла грязное ведро, какие-то тряпки и, зачерпнув в бочке на улице дождевой воды, ледяной, голыми руками с выпирающими венами, крючковатыми неразгибающимися пальцами с усердием принялась тереть пол. Ко времени, когда Петя вернулся колотить гроб, пол в сенях был влажен и чист, старуха ушла, оставив у дверей ведро, повесив тряпку сверху, чтобы просохла.

Погружённая в скорбные хлопоты Ленка внешне успокоилась, но возвращаться в дом боялась, в кухне Аня ей поставила раскладушку. Когда ночью

раздавался резкий Ленкин храп, это означало, что она перестала беззвучно плакать в темноте, хватая воздух ртом из-за отёкшего заложенного носа, и забылась коротким сном.

Распахнув двери Мишкиного сарая, Петя доделывал гроб, он решил его сколотить без гвоздей, как в старину, на севере. Его почти увлекло это занятие. Пришла Ленка, с улицы, не через дом.

— Спасибо, что ты его делаешь, он в машине у меня не поместился бы.

Молчали оба, Ленка смотрела, Петя работал. Собравшись с духом, он сказал:

— Лен, я хочу, чтобы это слышала только ты... Мне никто никогда не был так близок, как Миша...

Разрыдавшись, Ленка повалилась ему на грудь, и он, стоя прямой, как жердь, неумело её обнимал, мягкую, тёплую. Скрипнула калитка, Ленка отпрянула.

— Эко чудо! — вошедшая в сарай бабка Маня, обходя, разглядывала гроб. — Без гвоздей, никак!

Ленка рассеянно пропустила мимо ушей её слова:

— Я там всего накупила...

— Я обряжу, ты всё его дай.

— А здесь кто понесёт, — Ленка не могла привыкнуть к слову «гроб».

— Лошадь дам до воды. Он вон понесёт, — угодливо согнутая бабка Маня кивнула в Петину сторону, — Колька поможет. Людей найду, найду.

— Какой Колька? — переспросил Петя.

— Сын мой.

— Откуда?

— Да пришёл!

Прийти в деревню возможно только из армии или тюрьмы. Петя встревоженно взглянул на Ленку, когда старуха скрылась в доме.

— Глупости, — отвечала она.

— Вот почему она так суетится, — Петя кивнул в сторону ушедшей старухи. Ленка не отвечала. Позднее, увидев Кольку, он понял: не из армии пришёл.

— Ты оповестила родню?

— Кого? Мать умерла, брат в тюрьме, а дружков его, — Ленка уставилась на пустующий гроб, — я видеть не хочу... Петя, я крест купила, металлический, чтоб не сгнил. Ты надпись на нём сделай.

Так Петя узнал Мишкину фамилию — Пузик.

Глава 15

Аня не видела Мишку, боясь оставить дочку одну в доме, щадя её детские чувства. На третий день она пришла попрощаться. Солнце раздвинуло тучи с морозящим дождиком, неделю изводившим своим уны-

нием, ярко-синим радостно сияли небеса, оттенённые сизыми клочьями туч. У Ленкиного дома стояла лошадь, запряжённая в телегу, Петя с незнакомыми мужиками вынес Мишку, довели до реки, там, где пологий берег. Незлобно переругиваясь, поставили в широкую устойчивую лодку, одолженную и пригнанную с противоположного берега, перевезли на другую сторону к другой телеге, другой лошади.

На поминки у Ленки набился полный дом, Аня их не знала, все местные. Съели и выпили от души из выставленных Ленкиных припасов, но криков и мордобоя не было, прошло всё чинно. Ленка, как только все расселись и притихли, встала, поблагодарила за помощь и сказала:

— Вот так, молча, все и выпьем.

И сидела, не проронив ни слова, пока из дома не ушёл последний гость.

— Ленушка, тебе картошки небось стоко не нужно? — бабка Маня выжидающе заглядывала ей в глаза, а затем проворно утащила с Колькой четыре мешка картошки, суетливо забирая один и взваливая другой.

Ленка прожила ещё два дня в доме Ани с Петей и ушла к себе.

— Привыкать надо, — сказала

она и добавила: — Уеду я на девятый день к матери в Нижний, не могу больше. А вы припасы мои забирайте, все.

— Лена! — выкрикнула Аня. — Не нужно! Нам твои куски в горло не полезут!

— Мне тоже. Тогда брошу.

— Давай так договоримся, — Петя ощущал себя главой прайда. — Что у тебя не поместится в машину, мы возьмём.

— Да, тебе подспорье, пока работу найдёшь, — убеждала её Аня.

Насобирав в обоих домах мешков, коробок, верёвок и газет, Петя методично занялся упаковкой. В машину не влезла самая малость.

— И на помин души, — Петя оставил себе несколько Мишкиных бутылок.

На девятый день они вчетвером, с Маней, сидели на скамейке за столиком у соседней, заросшей брусничником и мхом могилы; Мишкина, свежая, представляла собой вывороченные комья грязи. Пара дятлов долбила неподалёку от сосны в поисках личинок, сороки выпархивали из кустов с трескучими криками «мам, мама», звонко и радостно щебетали невидимые синички, нарушая тишину и забвение заросшего лесом деревенского кладбища с выцветшими искусственными венками и цветами, с поникшей

и полусгнившей травой. Ленка достала из сумочки бутылку, три пластиковых стаканчика и контейнер с уже порезанными огурцами.

— На сороковины никто не придёт, я далеко, у вас ледостав будет. Через полгода продам дом и квартиру в Новгороде, заеду.

— Нас хозяева только до мая пустили.

Ленка выпила самогонку, брезгливо поморщилась и обвела Петю с Аней любящими слезящимися глазами.

— Лен, ты за руль сядешь, — Петя пытался её остановить.

— Забей.

— Ты и лекарства не купила.

— Кушила.

— Врёшь.

— Вру. Меня доктор на улице отловил, укол сделал. До Валдая доеду или до Волочка, куплю себе таблеток, а эту, — Ленка кивнула на бутылку, — вы допивайте.

Ленка встала.

— Всё, ребята. Спасибо вам. Вы очень хорошие, очень, — Ленка шмыгнула, — вы это, берегите друг друга. Ладно?

Аня ждала её отъезда, с самых похорон ждала, не воспринимая Ленку без Мишки никак, она мешала ей, нарушив привычное равновесие, став лишней, к тому же повышенное Петино к ней внимание вызывало напряжённое беспокойство. Правильно

делает, что уезжает, всё прошло. Но, подсознательно подталкивая её к отъезду, думая вперёд, она пообещала:

— Мы на годовщину приедем обязательно.

— Если не убьют, — грубо ответила Ленка. — Некуда бежать, страна маленькая, найдут.

Петя вздрогнул. Его смерть, от которой он улизнул дважды, не поддающаяся восприятию ввиду абсурдности и невозможности в его представлении, для Ленки вполне реальна.

Медленно они вышли за ворота кладбища к припаркованной Ленкиной машине.

— Лена, — Петя с тоской на неё глядел. — Ведь мы не увидимся?

— Нет, — сухо бросила она, села и завела машину.

Она укатила прочь, чтобы забыть всё, плохое и хорошее, чтобы о случившемся не знал никто, чтобы глубоко запрятать боль, недоступную, ни для кого не видимую, оставив Мишку нарастать лопухами.

Петя с Аней остались одни, именно одни, даже бабка Маня перестала к ним ходить с молоком, заявив, что корове надо готовиться к отёлу. И сама корова не бряцала боталом, и не блеяли пугливые овечки, тишина наступила глухая. Не преграждая ничей взгляд, лес открывал ему свою пустоту, где за голыми

ветвями и кустами следовали их унылые двойники, а за ними ещё и ещё. В полях трава, прижавшись к земле, теряла цвет с каждым дождём, но когда она трижды уйдёт под снег, скованная холодом, тогда весной покров ломких жёстких стеблей пробьётся ярко-зелёными упругими всходами.

Обнажив деревья, раскисшую землю со сгнившей коричневой травой и такого же цвета вздувшуюся реку, темнота рассеивалась до реденьких сумерек, чтобы через несколько часов окрепнуть, сгуститься в бесконечно длинную ночь, вобравшую в себя и живое, и неживое, поглотившую абсолютной чернотой всё, вплоть до исчезновения очертаний предметов, окружив бездной дом со светящимися окошками. Откроешь дверь, ступишь на крыльцо — и бухнешься в чёрную пасть, в никуда, ни звёздочка не мелькнёт, ни огонёк. Ни света, ни жизни, ни на земле, ни на небе — везде, ни сейчас, ни сто лет назад, ни двести. Цепким сладостным ужасом темень скуёт дом и всё то, что за его пределами. Задрожит пламя лучины, а с нею и уродливо выросшие тени, или лучина погаснет, упадёт, зашипев, в деревянное корытце с водой, под монотонное бормотание сохшейся бабки о том, как двумя днями ходили по

колёсной дороге в монастырь, чай с патокой там пили, ситник ели, деньги за свечи клали и обеденку стояли. Прерываемое неглубокой дремотой повествование о святой обители делалось всё тише, тише, вскоре еле теплилось и после резкого неожиданного всхрапа перескакивало на сказку про церковь, что стояла у горы, да со всем людом под землю ушла в глубокую яму.

И чем ближе к полуночи, тем более жуткими становились небылицы о поющих на Иванов день под землёй прихожанах, о нечистой силе, по лесам водившей до смерти «сбраненного» мальчика, напавшего на «худой след», или о девке без крестика, забредшей в болото, повстречавшей трёх ангелов, или о заболевшей кобыле, на которой в закат пахали, чем чуть не сгубили, да три раза в морду «во христы» sprыснули, три раза перекрестили, да воды заговорённой с горбушкой во исцеление дали. Или о водяном, забиравшем много народу к себе в бурлящую воронку омута, выгнанном вниз по течению из своей ямы иконами да троекратным чтением «Отче наш». И когда сплошные дожди не дают выйти на улицу или снег завалит по самые окошки, тогда грубые, нехитрые и нелогичные выдумки о гробах, покойниках и бесах, невидимых и неуязвимых, но витающих рядом, покажутся

реальностью, бывальщины сплетаются с небывальщинами, а избёнка со слабым огоньком масляного фитиля явится спасающим души убежищем.

Тоска сопутствовала во всём, даже когда Аня возилась с тестом, а дочка, добежав до стола, выглядывала из-за его края и, забравшись на стул, шлёпала пухленькой маленькой пятернёй по отрезанному кусочку. Аня лепила с ней весенних жаворонков с изюминками глаз, плела косички, раскатывала пласт, мазала маслом и посыпала сахаром, сворачивая для плюшек, круглых, как розочки, но все свои старания они будут есть втроём, и Ленка с Мишкой к ним не придут никогда. «Почему мы торопим дни, почему я ждала, когда Ленка укатит, сядет в машину, захлопнет дверцу?»

Ещё совсем недавно её раздражало подурневшее и постаревшее Ленкино лицо, досаждало лопнувшее со смертью Мишки интригующе лёгкое соперничество, позволяющее молодым женщинам держать себя в постоянном тонусе, ревностно и без злобы отмечая успехи друг друга. Из их противостояния Аня вышла победительницей, но ни Мишкин, ни Ленкин голос она более не услышит. Укоряя себя за неподвластно крамольные мысли, за обиду и злость на Мишку, разрушавше-

го идиллию, позволившего себя убить, Аня незамедлительно пыталась утешиться, вспоминая, что, когда бежали сюда из дома, считали, что жить будут одни, как сейчас. «Но, господи, — вырывалось у неё неподвластное утешениям, — какая безнадёга! И сегодня, и завтра...»

Казалось, любое занятие лишилось смысла, даже когда с Петей они вздумали писать пейзажики, натюрморты, отдельные предметы, выходило часто плохо, по-разному, но плохо. Руки, отвыкшие от кистей, слушались с трудом, продвижение вперёд шло микроскопическими шажками. Разве что графика, с чёрными тонкими линиями, лжающимися на бумагу, казалась иногда даже недурной. Тогда на листе появлялись деревья, одно, другое, с потерей листвы не сливающиеся друг с другом, приобретшие индивидуальность, читающиеся каждое по отдельности. Но в чём смысл этих изобразительных экзерсисов? Времяпрепровождение за ними до обидного напоминало игру взрослых в куклы. Настоящие же куклы, Манины, новые, покупаемые при каждом удобном случае, ребёнка не радовали; поддавшись всеобщему унынию, девочка капризничала, придумывать ей развлечения с каждым разом становилось сложнее.

Беспросветно тягучие дни не запоминались ничем и не отличались от предыдущих, как и последующие. Вечером радовались, что наконец-то день закончился, утром в темноте не хотелось вставать. Спать ложились рано, задолго попеременно зевая, один начинал, другая подхватывала. От непривычно размеренной жизни едва не крестили себе разверзнутые рты. Дни таяли быстро, и восходящая луна при своём движении по ночному небу заглядывала в каждое тёмное окошко избы по очереди, прежде чем уплыть высоко к звёздам и оттуда светить на землю. Завтрашний день будет таким же, как и сегодняшней, изменить его может только погода: морозящий дождь или сильный, стеной, так что не видно противоположного берега, но когда он проступал, исторгнувшаяся с небес влага дымом, туманом клубилась над посеребрившим лесом, возвращаясь обратно наверх.

В такое время сиди дома, топи печку, наслаждайся проникающим в тело сухим теплом. Возможность раскрыть зонт и добежать до метро, а после ехать по своим делам существует далеко от них, в другой жизни. В этой реальности — ветер, звенящий стёклами в окошках, стучащий в них веткой дикой яблони, завывающий в трубе, продувающий избу, вползающий в щели

между брёвен, под окнами, туда, где упрел и ссохся мох. Зато сам дом, противостоящий непогоде, морозу, пеклу, жил своей собственной жизнью: где-то скрипит в ночи половица, а вроде никто и не ходил. Днём ещё громче, и не раз, потом звякнет тарелка, потом ещё и чашка, закроется, скрипя петлями, за кем-то дверь, погаснет и вспыхнет лампочка. Но вместе с невидимыми, неживыми, рождёнными и ушедшими поколениями его теней, обнаруживающими себя неожиданными шорохами, в доме друг за другом шныряют крысы, грызущие его круглосуточно, и неустанно точат в труху древесину жучки, и паук тихо плетёт паутину для мух, и на чердаке пищат летом птенцы ласточек. С живыми и неживыми существуют и придуманные, те, что под кроватью, или, растворяясь в глухой темноте за окном, смотрят, не мигая, и только последняя ночная гроза вспышкой выхватывает это нечто, застывшее среди чёрного сплетения ветвей.

В дом тёплым летним днём, бывало, заскочит глупый кузнечик, с ветром залетит пригоршня семян, песок с берега или сухая травинка, а вместе с ней и другая, с метёлочкой, и до зимы в щели притаится одуванчик, рассыпавшийся на десятки парашютиков. И люди в доме — только меньшая часть клубка жизни.

А ещё была баня, и в ней шла своя жизнь, с вредным и злощущим банником, заставляющим дым при топке валить из всех щелей, но только не из трубы.

Для бывших Петиных клиентов баня являлась центром жизни, как римляне в термах, пациенты в парилках решали особые вопросы, разве что, возлежа, не вели бесед о философии и искусствах. Петя приобрёл достаточное представление о печках, чтобы перебрать каменку, вычистить от копоти каждый валун и сложить заново. И теперь, сидя на низкой скамеечке, намыливая и окуная разлохмаченную душистую пеньковую мочалку в шайку с тёплой водой, можно смотреть в узкое окошко на осинный лист, трепещущий вокруг своего черенка, на мутную реку, текущую за поникшей травой, на лес за ней, на облака, дымными клочьями несущиеся по небу.

Ветры всё дули и дули, во все стороны, без разбору. Северный ветер или восточный, но обязательно влажный, пронизывающий дом насквозь, терзающий голые ветки деревьев, в какой-то момент стихал только затем, чтобы, круто развернувшись, с новой силой дуть в противоположном направлении. В сенях стоял непроходящий свист, садило из всех щелей. «Каким же надо быть равнодушным к соб-

ственной жизни, чтобы строить такое жилище, причём традиционное, когда из избы сразу попадаешь на улицу! Ни тебе, как у нас на севере, рубленых клетей и единого пространства под скатом кровли, ни нормальной двери в сени, а не поддающиеся счёту старые и новые дырки затыкались тряпками от сквозняков и морозов! Брёвна, кривые, кое-как подогнанные доски и горбыли все были пронумерованными, причём цифры — либо просто палочки, либо арабские, но шесть и девять меняли свою ориентацию, смотря то направо, то налево. Значит, покорно подчиняясь сельскохозяйственным директивам, дом перевозили из деревни на хутор, с хутора обратно в деревню, таская за собой родное дерьмо», — с грустью думал Петя.

Многовековая сизифова борьба за выживание рождала бессилие перед всё новыми и новыми бедами, возникающими непреодолимыми монолитными стенами, вызывая безразличие к тому, как ты живёшь и сколько. И теперь деревенские артефакты вызывали раздражённое недоумение: скамейка шаткая и короткая, ступени в сенях узкие, под ногу ребёнка, и при этом разной высоты. В чём причина? В крайней бедности (городили из того, что имели) или в лютой и привычной многовековой борьбе за

выживание, перед которой все внешние удобства меркнут? Или предпочтение с лёгкостью атеистически низвергнутой небесной жизни — земной?

Глава 16

Нет, не похож этот ноябрь был на ноябрь Чайковского, с просторами, с бегущей по сухой, подмёрзшей дороге тройкой, со звенящим колокольчиком или льдинками. Грязь, сырость, темнота. Ждали снега, когда покроет он не желающую остывать и умирать землю раз, ещё раз и ещё, пока она не смиритсЯ и не затихнет, не затвердеет. Но снег падал, таял или уносился мутными быстрыми водами реки. Наконец, он перестал исчезать, образуя некоторое подобие покрова, а выглянувшее порозовевшее солнце обещало небольшой морозец. Петя рванул к бабе Мане за лошадьЮ. Пора рубить дрова! Ура! «Только бы не отказала, только бы не отказала», — мысленно загадывал желание он.

Сухонькая жилистая старуха привыкла всё делать сама: запрягать лошадь, вспахивать поле под картошку, таскать воду, косить, ворошить, доить корову, закапывать или топить котят, приплод своих многочисленных кошек, рубить дрова и головы брыкающимся баранам, пойманым товаркой или свояченицей,

при этом ещё пытаясь выкроить что-то себе от прибежавших за дармовым мясом взрослых сыновей.

Договорившись о цене, старуха сняла ветхую упряжь, вывела лошадьню, крикнула Кольку, обрушив Петины мечты о зимнем пустом лесе, где будут только он и лошадь, человек и животное, приручённое издревле, звонкий стук топора, откликающийся эхом в морозном воздухе, и потряхивание ушами понурой деревенской кобылы.

Сидя в саях, Колька правил лошадьЮ, неспешно ступающей по неглубокому снегу под своды хрупкой белой галереи из склонённых заиндевевших веток ольхи и осины, где редкие молодые дубки застыли с гроздьями замёрзших листьев, как на дворцовых люстрах елизаветинской поры. Повернувшись к Кольке спиной, Петя крутил от восхищения головой, провожая взглядом уходящий след от полозьев и скользящий вдоль стволов падающий снег.

Искали берёзу неподалёку от дороги. Найдя дерево и выбрав место, куда оно будет падать, Петя, замирая от страха, рубил с противоположной стороны уходящий в высоту ствол, затем валил. Дерево, противясь падению и цепляясь за соседние, оцетинившиеся инеем, стряхивая его вниз и оголяя ветви, рухнуло,

содрогнув землю и стоящего рядом Петю, исторгнув вверх облако снежной пыли.

С Колькой они обрубали ветки, пилили брёвна, укладывая их в сани. Домой из леса Петя вёл лошадь сам, выпросив её у Кольки, шёл и думал, что это и есть счастье: пойти в лес, нарубить семье дров, привезти домой. Детское забытое чувство «я большой» вызывало у него гордую улыбку, урывками глядя на которую Колька думал: «Во дурак!»

Обернувшись и сверкнув белками глаз, Аня усмехнулась его радостной физиономии: с дочкой они снимали с верёвки заледенелые прямоугольники постельного белья, душистые и крепкие, а ранняя румяная кромка заката и ещё бледные, редко рассыпанные звёзды обещали мороз. Несмотря на холод, река ещё долго темнела мутными водами, прорезая припорошённые снегом берега, пока по краям не образовалась наледь, шуга. Реку затягивало льдом, засыпало снегом, поливало дождём и вновь затягивало льдом её чёрно-бурые воды. Деревню отрезало от мира, и насколько — никто не знал. Лодку спустить нельзя, ступить на лёд опасно, в магазин не пойдёшь, а потому хлеб пекли сами, предварительно запасаясь мукой.

Утром затапливали печку, Аня ставила в неё чулочки с бу-

душим супом и, доведя до полуготовности, вынимала, чтобы поставить в тёплое нутро после выпечки хлеба. С улицы запорошенный снегом домик с дымом из трубы, со светящимися окошками смотрится кукольно-уютно, наводя мечты о свежезаваренном чае, о ноздреватых масляных блинах с вареньем и о Новом годе. На краю заснеженного леса те мультики и сказки, на которых выросли Аня с Петей, казались реальностью.

Для будущей ёлочки, которую они выберут, срубят в лесу и повезут на салазках, ступая в пушистый глубокий снег, Аня с дочкой увлечённо клеили новогодние гирлянды с фонариками из раскрашенной бумаги и фольги из-под чая. Петя, полюбив после Мишкиного гроба работу с деревом, смастерил махонькие салазки, куда посадил самодельного Деда Мороза из ваты. Погрузившись в мир игрушек, они возвращались каждый в свои романтизированные детские фантазии, но будущая невысокая ёлочка не требовала большого числа игрушек, и Петя опять заскучал, опять не находил себе занятие в чужом доме. Ему хотелось работать, безделье опустошало его.

Изучать AutoCAD не получалось: это как жевать песок, непонятно всё, от первого слова до последнего. Если «пространство

листа» объяснимо, то что такое «пространство модели»? И при чём здесь меню? Получается какой-то самообман, гляжу в книгу, называется. С клавиатурой, сочетанием клавиш он также не ладил.

— Ань, нам бы компьютер купить. Подучились бы... — Петя со вздохом отложил злополучный распухший том.

Аня вытащила из нутра печки чугунок с супом:

— У нас свет-то не всегда бывает, а ты «компьютер».

— Заниматься квартирами я больше не буду.

— Ну не занимайся, — Аня опиралась на ухват.

«Ей бы ещё на голову кичку с рожками», — думал Петя, глядя на неё.

— Тогда бумага, проектное дело, — не встречая возражений, он продолжал. — Весной нас хозяева попросят, надо искать жильё, работу. В конторах теперь проектируют склады, многоквартирные дома, на кульманах не работают.

— Где ты купишь свой компьютер? — вопрос означал согласие.

— В Москву поеду, заодно к моим зайду, — он смотрел, ожидая разрешения.

— Я одна боюсь.

— Давай вместе?

— Да ну, ребёнка тащить...

— Сейчас самое время, река

не встала, — уговаривал Петя. — Да никто сюда не сунется!

— Всё равно боюсь.

— Это максимум на четыре дня. День туда, день обратно и два там. Если удастся, приеду через три.

Аня молчала, наперёд зная, что согласится и никаких доводов, кроме «я так не хочу», предложить не может.

— Ну хорошо.

— Тогда завтра, — встрепенулся Петя, не озвучивая, что, помимо компьютера, хочет купить Ане подарок на Новый год, особенный-преособенный, дорогой. В предвкушении отъезда он натаскал в дом дров, сложив их у каждой печки, заполнил все вёдра водой, вызывая нарастающее раздражение своей оживлённостью и плохо скрываемым желанием вырваться, выпрыгнуть, как кузнечик, из дома в зону недосягаемости. В шесть утра он целовал на прощанье Аню, но мыслями был уже далеко от неё, миновав тёмный, ставший знакомым лес, берег, где с Мишкой рыбачили; остаток пути не представлял сложности.

— А как же лес, темно...

— Ничего со мной не случится, — отмахнулся он.

— Слушай, ты закрой меня снаружи.

— Как закрой?

— Замок повесь на дом, если надо, я через сарай выйду.

— А свет, дым из трубы?

— Топить рано буду и ночью одну лампочку включу, как дежурный свет.

— Хорошо.

Наутро, стоя в сених и зябко ёжась в наброшенном на ночную рубашку пуховике, Аня слушала, как затихает скрип Петиных шагов в темноте, она уже начала его ждать. Впереди ещё утро, за ним день и вечер, и не сразу наступит ночь. Время не тянулось, оно замерло, обволокло скукой и тоской даже Маню, требующую к себе повышенного внимания. Сумерки ещё не растаяли, и лампочка над столом в кухне расцвечивала бледно-сиреневым цветом невысокие сугробы, деревья и небо. Медленно за окном проплывали крупные пушистые снежинки, они росли числом, небо мрачнело, и вскоре повалил снег, бесконечный, стеной.

Петиной бодрости хватило минут на десять, лишь только он вступил в тёмный, молчаливо выстроившийся лес, сдавивший тисками его сознание. Начинаясь светлеть небо затянуло тучами, и не сверкал на солнце искрящийся снег, и едва заметная лёгкая дымка не поднималась от него к чёрно-зелёным лапам елей и сосен. Ступая по неглубоким сугробам, Петя чувствовал под ногами плотную утоптанную дорогу, но повалившийся

снег заставил его задуматься об обратном пути. Появились мысли повернуть назад, но желание преодолеть трудности и легкомысленность городского жителя двигали его вперёд. Он миновал бор, вышел к реке, сглаженной сугробами, поднялся в гору и, пройдя по касательной лиственный лес с голыми прутьями веток, вышел в поле. Сделалось светлее, но не терпящий преград ветер дул со всех сторон, швыряя в лицо горсти снега. Позднее, когда мёрз на остановке, от вышедшей из дома бабы узнал, что утренний автобус отменили, будет только дневной, который та предложила подождать в её доме, в тепле.

Аня слепила дочке из пластилина курочку, дедку с бабкой, укрепляя их на куске картона, собираясь сделать сценку из сказки. Маня, серьёзно и сосредоточенно сопя, скатала яичко, значительно крупнее не только курочки, но и самого деда.

— А где у него рот? Сделай ротик.

С момента отъезда Пети не прошло и полдня, скука и тишина парализовывали, но, главное, страх, нарастающий, неуправляемый. Что там за бревенчатыми стенами, за окнами, слепыми от темноты? Пустота?

— Откройте! — нетерпеливо

забарабанили по подоконнику. — Откройте! — настаивал визгливый женский голос.

Аня вскочила, замерев. Её обнаружили! Кто поможет? Что ей делать?

Глава 17

Со временем у Андрея всё больше крепло желание избавиться от этого Пети мирным путём, так проще. Цькнуть, чтоб в штаны навалил и дёрнул подальше один, а жену ему оставил. И пусть у неё хоть десять детей — Андрею плевать! Деньги есть и будут. От этих мыслей глаза застилал туман, а тело раскисало и, как после бани, не желало двигаться. Вите с Семёнычем сказать, что сам с ним разобрался, и всё, проблем нет! Но то, что в мыслях кажется простым и лёгким, на деле заходит в тупик. Как искать человека с фамилией Смирнов? Ему бы добраться до жены этого мамсика, и он выгрызет её у него. Лишь бы Она не послала его, тут он за себя не в ответе. Она нужна ему, во всяком случае, сейчас.

Несмотря на то, что права и доля в бизнесе у Андрея были значительно меньше Витиных и Семёныча, в офис он входил как к себе домой, и тому была причина: пацаны всё больше в нём нуждались. Однако припаркованный Land Cruiser заставил

его насторожиться. В офисе, напротив его стола, развалившись в кресле, вяло крутился незнакомый тип, полоснув каменное лицо Андрея наглым оценивающим взглядом.

— Саша, — пояснил Витя.

«Сашок, значит, — подумал Андрей. — С зоны пришёл, не иначе. А я что, тащу оттуда всех своих корешей?» Но, встретившись со взглядом Сашка, догадался: «Сам пришёл, никто не звал». И, глядя на озлобленную физиономию Семёныча, понял: спокойной жизни конец, в лучшем случае ситуация — двое на двое, кто кого и кто быстреей.

Это знали все, в том числе и Семёныч, иначе бы через пару недель он не бросил Андрею, когда они рассаживались по машинам:

— Ну и как тебе это всё?

— Никак. Вырву свою долю и уйду на хрен.

— А тебе её дадут? — Семёныч хлопнул дверкой и уехал.

«Не дадут», — согласился Андрей, тем более вопросами безопасности стал ведать вместо него Сашок, последовательно оставляя его не у дел, делая лишним и, соответственно, уязвимым. Андрей не мог этого не понимать, предельно осторожный, внешне он сохранял напряжённое спокойствие. В поисках Пети, по адресу, найденному в архиве ЛИСИ, вспомнив, где тот

учился, Андрей без толку съездил в Северодвинск; Петя один в своей семье носил фамилию Смирнов, сводный брат и мать имели фамилию отчима. В деканате Андрей также узнал, что после первого курса Петю отчислили, значит, друзей-товарищей, а для него информаторов искать бесполезно.

Петю действительно отчислили: в восемнадцать лет он влюбился в девушку по имени Ангелина, и мир, освещённый её именем, ему предстал ярким и безбрежным в сравнении с однообразно-тягучими лекциями и практикой по начерталке, математике — почти по всем предметам, где не допускалась фантазия. Девушка Ангелина, к её чести, не давала Пети никакого повода для взаимности, и потому вдали от её прекрасных глаз и бывшего места обучения он два года «носил ружьё», служил в танковом полку. Отслужив, поступил на вечернее отделение ЛИСИ, успев в почти последнюю волну до его упразднения. Но Андрей этого не знал, сделав для себя выгодный вывод, что Петя недоумок и недоучка. Как он и предполагал, обнаруженные мобильники беглецов оказались куплены недавно и случайными людьми, в общем, везде тупик.

Предоставив Андрею в поисках Пети посетить Северодвинск,

Сашок выбрал себе более выгодное направление, пробивая телефоны. Андрей и сам знал, что телефоны сработают, завтра гопота, которую он привёл за собой, дёрнет мочить архитектора и Её. Им помешать — подставить себя. Прощедив десятки магазинов, строительных баз, клиентов, Сашок вышел на Петиного друга, самого-самого, Софронова, спину которого украшал след от утюга.

— Эмигрировали они. Нет, не в Европу, там своих архитекторов хватает. В Штаты уехали, обещали связаться, как только устроятся, — сливал дезинформацию Софронов.

— Так взяли и свалили?

— Ну да, ни отвальную не сделали, вообще не простились.

— А ты откуда узнал про них?

След от утюга стучал под лопаткой Софронова, напрочь лишая возможности оправдываться при раздевании: обжёгся нечаянно, рубашку гладил; потому его понесло и, как человека творческой профессии, без границ и совершенно правдоподобно.

— Слушай, звонит, значит, мне Анька, я делаю в это время левый поворот на Пискарёвском, и заявляет, что вот-вот отъезжают за бугор, раньше не говорили, боялись, что сорвётся. У них, кстати, неплохая мебельюха конца девятнадцатого века, я бы купил. Не по-человечески всё

это, — подытожил он обиженным тоном.

— Родственники остались?

— Да, у Аньки сеструха на «Ленфильме», но как звать, не помню.

Этот Софронов на голубом глазу уверял Сашка, что они уехали на ПМЖ, а если не уехали? Тогда плохо. Остаётся безымянная сестра жены, и ближайšie несколько дней Сашку предстоит ошиваться на «Ленфильме», приставая ко всем с дурацким вопросом: «А не знаете ли вы такую девушку, у которой имеется сестра Аня, замужем за неким Петей?»

До «Ленфильма» Сашок не доехал, развернулся на полпути, решив наведаться в Петину квартиру, но застал там не интеллигентную Полину Карловну, а алкоголика Толяна, пообещав ему скромную сумму за любую информацию о соседе. Дыхнув на Сашка хорошо знакомым утробным перегаром, Толян пообещал: «Будь сделано». Не надеясь на его пунктуальность, Сашок по-хозяйски прошёл в его комнату и, вырвав из органайзера листок, написал на нём свои телефоны, мобильный и рабочий, и обещание вознаграждения за любую новую информацию об исчезнувших соседях. Озираясь, куда бы пристроить листок, он заметил пригвождённый к стене календарь за позапрошлый год.

Сорвав и измочалив календарь, он приткнул листок на торчащий на уровне глаз из стены гвоздь, пронзив шляпкой.

— Ну давай, — пожав вялую, худую руку Толяна, вручил задаток, который с избытком покрывал и бутылку, и закуску. — Ты это, узнать постарайся.

И Толян не подкачал!

Клавдия Михайловна, чьим сыном являлся непорядочный искусствовед Виталий, потеряла душевный покой на следующий день после передачи ключей от своего деревенского дома. Число причин для беспокойства росло с каждым днём, но хотелось и деньги сохранить, и жильцов выселить, и потому она терпела, сколько могла. Изведясь, она принялась озвучивать свои терзания, но они, как о гранит, разбились о супруга, молчащего если не неделями, то сутками. Месяца через два он возразил, что дом им не спалят, а если и спалят, то туда ему и дорога, потому как сельское хозяйство в нечернозёмной зоне — это изодранный садизм. Его достала борьба с засухой, дождями, сорняками, крысами, комарами, слепнями, тлём, паршой, гусеницами, землеройками, отдыхом такое невозможно назвать даже с натяжкой, а страховка за сгоревший дом значительно перекрывает его реальную стоимость.

Потерпев фиаско, Клавдия Михайловна с нарастающим упорством принялась грызть сына. Он юлил, выворачивался, но осаду не выдержал и, справедливо рассуждая, что хранить в тайне чужие телефоны он не договаривался и везти мать в такую глухомань, да ещё и по зимней дороге, желания нет никакого, продиктовал ей Петины мобильный и домашний. Недели три она безуспешно названивала по обоим номерам, в конце концов, узнав домашний адрес, явилась на квартиру, застав там Толяна, причём почти трезвого. И хотя Толян ничего членораздельного и вразумительного сообщить был не в состоянии, она передала ему дополнительный список того, что делать в её деревенском доме было совершенно недопустимо. Список завершал номер её телефона и Виталия, и, по замыслу Клавдии Михайловны, Толян должен был его зачитать в случае, если позвонят её жильцы. Несколько успокоенная, она вернулась домой, а Толян, нарезавшись на радости, позвонил через сутки Сашку. Обрадованный Сашок его похвалил, сказав «молодец», но денег не дал, и не потому, что жалко. Просто зачем? Адрес получил, Толян ему ни сват ни брат, чтобы к нему тащиться. Всё, забыл, нет его! Надо будет, приедет и опять денег даст.

Выйдя через Толяна, Петиного соседа, на антиквара Виталия, Сашок так с ним аргументированно поговорил, что тот через час на полусогнутых прискакал на стрелку, с картой области в придачу. Ключи от дома Виталий отдал жильцам, других не имеется, но зато детально расписал, как добраться, где оставить машины, при этом на словах на всякий случай указал не на свой дом, а на соседский.

— У тебя там газ есть? — вяло перебил его Сашок.

— Осенью большой баллон заправил, — Виталий выставился на него, но после паузы продолжил: — В сарае запасной имеется ещё.

— Людей много?

— Где? — не понял Виталий.

— В деревне есть люди? — напирал Сашок.

— В противоположном конце старуха живёт и мужик с бабой, — Виталий замолчал, широко раскрыв глаза; тем не менее, поспешно уходя, он оставил альбомчик с продаваемым антиквариатом, в том числе и самым пикантным, ввернув, что возможны скидки.

— Классное место, — неестественно громко расхваливал деревню Сашок, горделиво оглядывая собравшихся в Витином кабинете пацанов, сгрудившихся над картой, как генералы в штабе фронта. — Кругом лес, дорог

нет. Зарылись! От нас не скроешься!

Витя, довольный, хлопнул в ладоши:

— Конец им!

— Бабу-то зачем? — осторожно вставил Андрей. — Припугнём, чтоб с ребёнком свалила подальше. И делов.

— Ты чё несёшь? — Семёныч с Витей уставились на него. Андрей прикусил язык.

— Значит, так, — подытожил Витя, — газ, река — всё есть.

— Блин, мясники! А следы на снегу? — не вытерпел Андрей.

— Ща, до весны подождём, когда братец покойничка нас...

Далее обсуждение шло без участия помрачневшего Андрея, быстрее и результативнее. Сошлись, что дело завершать надо, когда стемнеет, вниз по течению и подальше от деревни, и дом за собой на замок закрыть: типа уехали.

— Деревенские испугаются в дом соваться, — рассуждал Витя. — А если чё, денег им дать, — он прекрасно понимал, что, если не сунутся, деньги парни оставят себе на выпивку.

Сашок с Витей не так давно прикупили себе по «Бурану». Снегоходы решено было загнать в два конторских фургончика, выдернуть своих четырёх ребят, тех, что в теме и должны были выполнить эту же работу ещё осенью. Один из них по плану

останется стеречь машины, трое других двинут в деревню. У фургонов после съезда с шоссе поменяют номера, и возвратятся они в Питер разными путями.

Вместе с напутствиями ребята дали для связи два мобильного. На следующий день они выехали.

Глава 18

Дочка подняла глазки на Аню, ища защиты.

— Под кровать, живо!

Девочка соскользнула со стула, Аня подхватила её, чтобы не топала, и выпустила под кровать, как котёнка.

— Т-с-с, — она приложила к губам указательный палец. Ребёнок проворно, барахтаясь ногами, забрался глубоко, в самую темноту, и затих.

Поспешно Аня сгребала её одежду, игрушки, рисунки, бросая то в шкаф, то под кровать. Подойдя к окну, она выглянула из-за занавески: на крыльце стояли две старухи: маленькая, обмотанная коричневым клетчатым платком, сгорбленная под самодельным холщовым мешком, и дородная, с рюкзаком и двумя сумками. Со старух тонкими струйками стекала вода, растопив снег и образуя лужицы на крыльце под ногами.

— Чудно: свет горит, в доме ходят, а дверь замкнута, — ма-

ленькая старуха переминались с ноги на ногу, опираясь на посох и скрипя досками крыльца.

— Откройте! — заголосила другая баба. — Мы под лёд провалились!

Аня решила выглянуть.

— Через двор идите, открою.

Развернувшись, оставляя водяными струйками в снегу глубокие бороздки, старухи побрели к дверям сарая, открывающимся изнутри. Размотав цепь вокруг засова и открыв замок, Аня приоткрыла створку дверей и впустила старух. Протиснувшись, они долго топали, стряхивая прилипший к мокрой обуви снег.

— Снимайте всё, будем выкручивать.

Продрогшие, трясущиеся старухи стянули с себя мокрые пальто, рейтузы, чулки на круглых резинках и то, что называется панталонами, трикотажное и необъятное, до колен. Стоя босыми ногами на холодном бревенчатом полу, замёрзшими, одеревенелыми руками пытались отжать одежду.

— Ладно, пойдёмте, я попробую её просушить.

Оставляя влажные следы, старухи гуськом послушно последовали за Аней в тёплый дом.

— Кладите одежду на печку и лежанку, я только что их истопила, — и Аня намяла им газет

и бумаги, велев затолкать в обувь. В доме сразу стало влажно и душно. Полуголые бабки рылись в своих мешках, отыскивая сухое ветхое исподнее. Нищенки. Аня брезгливо отвернулась, невольно заметив их побледневшие от холода голые зады, сухие поджарые ноги, отвислые животы, когда-то беременные, а ныне пустые, широкие расплющенные ступни с шишками, с бледными пятками в трещинах, золотые серьги с цепочками и перстнями аляповатого советского образца на высокой старухе.

Аня поставила приодевшимися и приободрившимся старухам чайник и, преодолевая нахлынувшую бережливость, всё же налила каждой по вазочке Ленкиного варенья, прозрачного, малинового, ягодка к ягодке. Разомлев, они пили чай, чашку за чашкой, стараясь согреться изнутри. Считая себя в безопасности, Маня с любопытством разглядывала их, подперев голову руками, наполовину высунувшись из-под кровати.

Одна из старух, маленькая, востроносая, с блёклыми от времени волосёнками, выглядывающими из-под косынки неопределённого цвета, старалась занимать как можно меньше места, прижимала к себе локти за столом, коленки друг к другу и между мелкими глотками чая

бросала на Аню робкие взгляды. Другая, напротив, грудастая, высокая, с крашеными ярко-рыжими волосами, развалившись на стуле, не мигая, поверх чашки усталилась в стенку напротив остекленевшими глазами.

— Мы подсохнем чуток и уйдём, — она растирала руками толстые озябшие колени.

— Куда вы уйдёте?

— За реку.

— Она ещё не встала.

— А нам сказали, что у вас встала, — руки на коленках замерли.

— У нас нельзя переходить, кругом ключи.

— А я тебе говорила, что выше надо, а ты не слушала, — ворчала маленькая старуха.

— Ну, тогда мы к Мане пойдём, — не обращала внимания на спутницу вторая старуха. — У неё будем ждать, не обратно же идти?

— Мама, можно я вылезу? — Аня забыла про дочь, послушно лежащую под кроватью.

Аня подходила к печкам, ворошила мокрую одежду, меняла комки газет в чужой вонючей обуви — ничего не сохло, нагрелось, но оставалось по-прежнему мокрым. Старухи сидели, молчали, и опять пили чай, и опять молчали. Снег тем временем так усилился, что повалил стеной, в доме становилось всё темнее, но с темнотой нарастал незнакомый

гул, звук мотора, кажется, даже двух. Аня насторожилась, глянула в окно: из леса, по дороге, по которой полдня назад ушёл Петя, вспарывая сугробы, взрывающая тишину рёвом двигателей, мчались два снегохода, прищельцы в чёрно-белом безмолвии.

— Вот и смерть моя мчится, — спокойно подумала она, но мысль о ребёнке заставила почувствовать, что голова вот-вот лопнет от пульсирующей крови.

— Всё, бабоньки, — приказала она старухам. — Никуда не идём, сидим на попе ровно. Бандиты приехали меня убивать, а заодно и вас, как свидетелей.

И, оставив старух сидеть с безмолвно открытыми ртами, она быстро вытащила из-за шкафа куски оргалита, заставила ими все окна и задернула шторы.

— Ведём себя тихо, ждём, когда уедут. Дом закрыт снаружи, все подходы завалило снегом. Сейчас, сейчас, — говорила она более себе, — покрутятся и свалят.

Напряжённо прислушиваясь в наглухо закрытой избе, все вместе они пытались на слух определить, где гудят снегоходы. Вот они приближаются, замедлили ход, вот въезжают по очереди в проём изгороди, вот они у дома остановились.

Аня, подхватив дочку на колени, гладила и целовала голову, зажав ротик.

— Этот? — услышали они мужской голос у крыльца. — Димон, этот дом?

Старухи не двигались, маленькая застыла с чашкой на пути ко рту и куском сухаря за щекой.

— Какой Семёныч сказал?

Услышав знакомое имя, Аня вздрогнула, перед глазами явно всплыл гроб с Мишкой. Она даже не представляла, что может быть так страшно, и мелко трясутся руки, и отнимаются ноги, сделавшись ватными, и мозг парализован мыслью о смерти. Моторы ревели у дома беспредельно долго, парни стояли прямо под окнами. Один мотор замолчал, послышались шаги к крыльцу. Скрипнула ступень, нижняя.

— Нет, тот! — и они отъехали к соседнему дому, самому крайнему в деревне.

— А тут тоже замок! Нет никого, и следов нет.

Аня слегка расслабилась, но уезжать прочь те, что на снегах, не собирались, они наматывали круги вокруг дома: один, другой, третий. Маленькая старуха ойкнула, глядя в расширенные от ужаса глаза Ани, выронила чашку из рук, разбив её, облившись горячей водой, но рёв моторов не позволил даже у дома услышать то, что происходит внутри. Накружившись, ребята выехали в тот

же проём в изгороди, но свернули не к лесу, из которого приехали, а в противоположный конец деревни, к дому бабки Мани.

— Как бы бабке Мане они чего не сделали, — маленькая старуха трясла облитый чаем и ставший холодным подол фланелевого халата.

— Если не наследила на улице, может, не заметят, — прошептала дородная старуха.

— Сын у ей из тюрьмы вернулся. Как бы чего не вышло дурного...

Опять сидели молча, не слыша ничего, кроме своего дыхания.

— А тебя, деточка, они почему убить хотят? — оставив в покое подол, маленькая старуха хлопала утонувшими в мягком морщинистом лице глазками.

— Я случайно увидела, как они других убивали, — в ожидании реакции Аня почти победоносно обвела взглядом обеих перепуганных старух. Звучало фальшиво. — Сюда убежала, думала, не найдут.

— Одна! С ребёнком! Через лес!

— Нет, муж мой по делам утром уехал.

— А, так, видно, мы его встретили. Он на автобус не попал, — догадалась высокая старуха.

— Нашли тебя, окаянные! — сокрушалась другая.

Судя по звуку, в деревне пацанва не заметила ничего подозрительного и возвращалась обратно к дороге в лес, на которую мысленно гнала их Аня. Сейчас они свернут у последнего дома, звук начнёт таять, таять и исчезнет совсем, предоставив им свободу.

— Догоняй! — слышали они в запертой избе с задраенными окнами.

— Хрен уйдёшь! — и звуки снегоходов стали удаляться, но не в лес, не к дороге. Они рванули на поле, то отъезжая и вселяя надежду, то приближаясь и её лишая.

— Что у них там? Наперегонки ездят?

Аня осторожно выглянула в щёлочку между занавеской и окном: в сгущающихся сумерках два снегохода носились друг за другом. Круто разворачиваясь, попеременно урча, они то исчезали, то попадали в зону видимости Ани. «Три парня, как мальчишки, дурачатся в отсутствие дела», — думала она. На них с Петей послали троих.

Но рёв моторов и радостный мат за окном оборвались внезапно, одновременно. Раздался треск, столкнувшись, оба снегохода затихли, и так же одновременно три мужских глотки принялись орать, каждая своё, в поисках истины. Крики становились ближе, и Аня увидела, как

пацанва везёт заглохшие снегоходы.

— «Бураны» Витины и Сашка! Уроют за них!

— Блин! Я мобильник из-за тебя потерял! А-а-а!

— Иди, ищи! Ага! Темнеет уже.

— Мужики, что делать?!

— Я знаю? Нам не жить! В асфальт закатают!

— Вскроем дом. Утром будем искать.

Аня дёрнулась. Бежать! Но куда бежать? Напружинившись, инстинктивно глядя по головке стоявшую рядом дочку, она замерла, как у расстрельной стены.

— Какой дом вскрывать?

— Который указали.

— Никак к нам пойдут? — тихонько охнула маленькая старуха.

— Второй с краю!

Аня расслабилась, не переставая теребить мягкие детские волосёнки, беленькие, скрученные кудельками, как через расчёску, пропуская их между пальцами.

— Если жратвы там нет, пойдём искать! — приказал мужской голос.

Парни затопали по крыльцу соседнего дома, послышался звук сбиваемого и падающего замка, открывающейся двери в сени, топот, лязг железа и хлопок двери в избу. Вскоре зажётся свет, началась громкая возня,

беготня с вёдрами за снегом, значит, еду нашли и собрались что-то варить.

— Ну что, они остаются, и вы тоже. Давайте знакомиться, я Аня, — и она осеклась, нечаянно произнесла родное имя.

Маленькую старуху звали баба Катя, высокую — Валентина Ивановна, городская, потому по имени-отчеству.

— Видно, мы в худое время с тобой, Валентина, вышли, — обречённо вздохнула баба Катя.

— Какое такое худое?

— В недоброе. В каждом часе есть такая минута, недобрая. Кабы знать её... — и она многозначительно замолчала, поджав узкие бесцветные губки. — И часы недобрые есть, утром и ночью.

В доме сделалось совсем темно, только щёлки, где оргалит не доставал до рамы, чуть светлели за занавеской. Буфет медленно превращался в размытое пятно, как и полуоткрытая дверь в комнату, на стене повисли пятна курток и пальто. Аня на ощупь отыскала свечку в ящике стола, поставили её в устье печки, то есть подальше от окна, зажгла. Каплеобразное пламя, приковывая взгляды, до прозрачности разогрело верхнюю часть свечи со стекающими слезами. Аня встала, осторожно подвинув стул, подошла к счётчику, вырубил пробки, чтобы

нечаянно кто-нибудь не включил свет, обнаружив их всех, сдав единым инстинктивным и неверным движением, открыла дверцу часов на кухне и остановила маятник под недоумённые испуганные взгляды обеих старух.

— Звуков не должно быть никаких, — пояснила она. — Ну, — она села за стол, — куда вы вдвоём шли?

— Я к матери шла. У меня сын женился, ребёнок у них. Вот стала им мешать в собственной квартире, — не дождавшись расспросов и сочувствия, Валентина продолжала: — Жилплощадь маленькая, задами толчёмся, ругаемся. Из деревни родом вышла, в деревню возвращаюсь.

— А вы, баба Катя, куда?

— Так идёт, — отвечала за неё Валентина.

— Что значит «так»?

— А так. Дом у неё сгорел, то у одной старухи поживёт, то у другой, по хозяйству поможет.

— Сгорел? — Аня не слышала о такой новости.

— Сгорел, давно сгорел, — привычно вздохнула баба Катя. — Мужики воду лили, я с иконой вокруг обходила, яичко пасхальное в огонь бросала — всё впустую, сгорело.

— А семья? — допытывалась Аня, для которой, по молодости, здоровье и жизнь были естественней смерти.

Баба Катя не обиделась её назойливости, то ли привыкнув к своей обездоленности, то ли позабыв горе и лишения, отчего прошлое сделалось размыто-однообразным, серым или чёрно-белым, протянувшись далеко-далеко вглубь неразличимых годов.

— А умерли, умерли все. Давно, совсем давно.

— Перекати-поле она, — пояснила Валентина замершей от удивления Ане.

— С Дуней Матвеевой когда картошку сажали, звала на зиму, — как ни в чём не бывало продолжала баба Катя, — у её дом на отшибе, боится зимой-то. К ней шла.

— Значит, вы никуда не спешите и всё равно бы сейчас у бабы Мани сидели, дни коротали. Я вам ужин приготовлю, — Аня решила их присмирить едой, прикормить, как зверей в цирке или зоопарке, чтобы тихо вели себя. — У меня бульон куриный. Будете?

Аня зажгла газ, дополнительно осветив кухню синими язычками пламени, присмирившими под кастрюлей с супом и чайником. Глаза у старух заблестели, казалось, вот-вот начнёт капать слюна изо рта. Старухи оказались голодными, совсем голодными, они съели всю кастрюлю вместе с вермишелью, которой Аня заправила бульон, молча

стуча ложками, торопливо хлебали в темноте, согнувшись над тарелками, обсосали и обглодали косточки, крутя их так и эдак, откусывая мягкие сочные части, одна зубами, другая дёснами. Аня едва выделила тарелку для себя и дочки. Покончив с супом и утёршись рукой, баба Катя прошептала: «Писать хочу» — и встала.

— Подождите, подождите, — забеспокоилась Аня. — У меня дверь с шумом открывается, — но, подойдя к двери, чтобы её придержать, она развернулась и сказала: — Я принесу ведро, поставлю за печкой.

Старухи нуждались в параше, их поход на горшок в сени сопряжён со смертельной опасностью: хлопнут, скрипнут, свернут что-нибудь на пути. Вёдра, как пластиковые, так и эмалированные, для этой цели не годились совсем: неустойчивые, по бокам дужки для ручки, стульчак не положить. Аня вспомнила про цилиндрическую ёмкость из толстеного алюминия, с закруглёнными краями, на чердаке, литров на двадцать. Она выскользнула в сени и дальше по лестнице вверх. Шаря светом фонарика под скворечником крыши, на чердаке среди тряпок, кусков полиэтилена, банок, коробок она искала желанную бадью. Найдя её, медленно и осторожно извлекла из-под

завалов пыльного хлама, так же медленно и осторожно, но удовлетворённо спустилась по крутой лестнице в сени. На такой параше и сидеть будет удобно, и опрокинуть сложнее. Но когда первым попавшимся найденным инструментом она отковыривала, выламывала стульчак из смрадного отхожего места, когда стамеска, соскользнув, глубоко вонзилась острым углом в ладонь, и та, согнутая в пригоршню, быстро наполнилась тёмной кровью, тогда, ещё не чувствуя боли, Аня расплакалась от бессилия, страха и бешеной ненависти к Пете, оставившему её одну с ребёнком.

Вылив кровь в отверстие отхожего места, она дотащила под мышкой стульчак, прихватив здоровой рукой бадью, тихонько открыла дверь в избу и прошла за печку. Под нарастающую боль в ладони она отодрала топором сидение от стула и сверху положила, привязав бельевой верёвкой, выломанный стульчак, образовав почти нешаткую конструкцию, трон с дыркой. И чтобы старухи с грохотом бадью не вывернули, она повесила на гвоздь фонарик, при включении освещающий под собой кусок стены и пола. Только потом, закапав пол кляксами крови, она занялась рукой, ища впотьмах аптечку.

Теперь процесс похода на ведро ею строго контролировался, она слушала, как журчала одна старуха, затем другая. Стараясь не шуметь, Аня вынесла и выплеснула в глубине сарая бадью, вернулась с немытой, но через полчаса параша понадобилась снова. Казалось, бабок прорвало, и Аня перестала выходить с их каплями.

Поглощённая малоприятным обустройством быта Аня не обратила внимания на стук, раздающийся из дома пацанов. Вскоре послышался ещё и ещё, далее грохот.

— У них что, шкаф там упал?
— Аня недоумённо переводила взгляд с одной старухи на другую.

— Водку нашли, — нехотя отозвалась Валентина, — с мороза на пустой желудок выпили водки, или уже пьяные приехали, — в подтверждение её слов раздались хлопанье дверьми, крики, ругань срывающихся на фальцет молодых голосов. Кто-то из парней свалился, пересчитав ступени крыльца, другие носились вокруг дома, то попадая в сектор света, обернувшись человеком, то пересекая границу черноты, моментально исчезая или превращаясь в плоскую фигуру, движущуюся тень с руками и ногами. В доме шла своя возня, исступлённая, злая, будто

оставшиеся там парни раздвоились, растроились, разлетаясь в рваные ошмётки и отскакивая от стен, сплетались в извивающийся клубок со своими растущими в числе клонами. Но вдруг разом всё оборвалось, и дом замер, вываливая из трубы клокастый серый дым в чёрное небо, продолжая гореть всеми окошками, освещая обманчиво тёплым светом пушистый снег вокруг себя.

— Уснули, — равнодушно зевнула Валентина.

— Кабы дом не спалили, — нарушила тишину бабка Катя и затихла, сжавшись в комочек.

— Не спалят. До утра не спалят. О-хо-хо, пора и нам спать, — Валентина смачно потянулась и, откинувшись на спинку стула, обмякла, замерла, упав в сонное оцепенение, упёршись взглядом в стену поверх маленькой головки бабки Кати. Дышали. Одна со свистом, другая пыхтела. Обе старухи отупели от темноты, усталости и сытости. Их клонило в сон.

С излишней проворностью Аня вскочила: судьба её и, что ужаснее, ребёнка теперь зависит от настроения этих чужих и серых баб. В общем, ты меня накорми, напои и спать уложи. Кровать в доме одна, двуспальная, их с Петей, с одеялами, подушками, простынями, и ещё оттоманка, где спит Маня,

коротенькая, где взрослому невозможно вытянуться в полный рост. Она для хозяйки, то есть для Ани, а гостям полагается полноценная кровать, как иначе? Валентина давно уже это прикинула и ни о чём не беспокоилась, выжидая, когда Аня управится.

— Можно я не буду постельное бельё вам менять? — сдёрнув покрывало, Аня ждала ответа. — А то так тяжело в проруби полоскать. Рукам больно...

Но Валентина молчала.

— Я только вчера поменяла, — умоляюще врала Аня, — вам одну только ночь переспать, а дальше двинетесь, куда вам надо, когда эти свалят, — она кивнула в сторону дома с братвой.

— Делай, деточка, как тебе надо, — пролепетала бабка Катя, и Аня, почувствовав в ней союзницу, принялась энергичнее взбивать подушки и трясти одеялами.

Глава 19

К вечеру в доме стало заметно холоднее: печи остыли, тепло выдулось, по окнам поползли вверх пока ещё тонкие нити морозных узоров.

— Ага, съедут они, черти, — ворчала Валентина, до колен спустив шерстяные рейтузы, но, постояв раком, поглядев на

спущенные штаны, передумала их снимать и натянула обратно.

— Замерзнем ночью, — пояснила она свои действия.

Услужливо укрывая ворочающихся и кряхтящих старух всеми имеющимися одеялами, Аня оставила себе куртки, свои и хозяйские, короткие и подлиннее, тонкие и немного потеплее, для осенних походов за грибами. Скользкие, капроновые, они доставляли больше раздражения, чем тепла, беспрестанно шурша, съезжали на пол, где шныряли, стуча коготками, невидимые в темноте крысы. Зато Маня уютно устроилась, как в утробе, елозя то попой, то пятками по согнутым коленям матери. Согревшись и успокоившись, Маня беззвучно и сладко уснула, старухи в соседней комнате захрапели, каждая на свой лад.

— Всё хорошо. Всё кончится завтра, — успокаивала себя Аня, распрямляя затёкшую ногу, просунув её на холод, в черноту, под металлические ограждения для набитых опилками жёстких неподъёмных валиков оттоманки. Но на этом узком прокрустовом ложе пристроиться можно было только на боку, на самом краешке Маниного детского матрастика, там, где из вздутых пузырём недр оттоманки при малейшем движении выстреливали ржавые спирали пружин и сползали на пол куртки. Если

Анин живот согревала дочка, то спина и поясница, свешивающаяся над полом, ныли от холода всё сильнее и сильнее, разбивая даже лёгкое вползание в дремоту. Когда затекал и ныл бок или ноги, Аня вставала, просовывала ноги в высокие кусачие валенки, подходила к окну и отодвигала занавеску: в щель между оргалитом и наличником она видела соседний дом, онемевший, сияющий окнами в ночи, внутри него, сырого, нетопленного, с разбросанным веером крысиным помётом, — пьяные вершители её судьбы, сражённые сном. Кто распластавшись на полу, кто прислонившись к печке или свернувшись жалостливым калачиком под столом, они храпели беспробудно, невзирая на электрический свет, даже не отвернув от него своих безмятежных физиономий.

Аня возвращалась в постель и, стараясь согреться, лежала с ясной головой, пока какая-нибудь из старух не просыпалась по нужде. Тогда она сопровождала её к параше и обратно, чтобы та ничего не свернула в темноте и не выдала грохотом их присутствие. Она ложилась обратно, к дочке, но скоро устало поднималась и брела к окну: жёлтые окна горели. К утру они поблёлкли, но не погасли.

Аня пролежала без сна всю ночь, к утру чуть забылась.

— Холод какой! — пробасила, разбудив её, Валентина, едва только забрезжил реденький сизоватый свет в щёлках занавесок. — Бр-р-р!

— Я чай поставлю, — Аня спрыгнула с постели в жёсткие волосатые валенки, — и кашу сварю.

— Мне гречневую, — Валентина с головой укрылась одеялами в ожидании чая.

— Баба Катя, а вы что будете? — Аня сникла, против воли скатившись до угождения прихотям Валентины, принуждение варить каждой старухе своё вторично вызвало у неё жалость к себе и ненависть — теперь уже к бабкам.

— А что дашь, то и хорошо, — отозвалась бабка Катя.

— Конечно, — выглянула из-под одеял Валентина, — весь век в приживалках.

— Такая жизнь, — бабка Катя, беззлобно пожатвав беззубым впалым ртом, встала с кровати и, шаркая босыми ногами, направилась к параше.

— Валентина Ивановна, — Аня набралась решительности, — мы все будем есть овсянку на сухом молоке, ваша гречка готовится нескоро.

— Ладно, пусть овсяная, — уступила Валентина, не видя смысла упорствовать.

— Вон, — бабка Катя, вернувшись, отодвинула на кухне в

щёлку занавески, — Маня с сыном печку топят, эти нехристи ещё спят, не видят.

За чередой засыпанных снегом крыш, на другом конце деревни, виднелся вертикальный столб сизого дыма.

— И нам бы затопить, — Валентина в упор глядела на Аню.

— Мы совсем рядом, если только радиатор...

— Во-во. Давай его.

Аня прошлась по дому, вывернула все лампочки и собрала их в пустое ведро. Врубил счётчик, теперь можно не бояться случайно включённого света, а радиатор, помимо психологического воздействия, не давал дому остывать слишком быстро.

— Где тут у тебя посуду мыть? — после завтрака бабка Катя крутила головой в поисках таза. — Руку-то, лапушка, побережь надо, как попортила.

— Потом, когда уедут, вымою, — Аня составила грязную посуду внутрь печи и закрыла заслонкой. Услужливость старухи бесила её, и она вспомнила, как они обе ели кашу: одна — глубоко засовывая столовую ложку в рот, другая — оставляя ошмётки на бледных губах и подбородке.

— Они долго спать будут, — бабка Катя смахнула со стола и съела хлебные крошки.

— Почему долго? — встревожилась Аня.

— Они в доме Нади Григорьевой.

— Верно, — поддержала Валентина, — если та не распродала всю водку, то останутся, пока не выпьют.

— Водкой Надя торговала дешёвой, — пояснила бабка Катя, — с города возила. Только дурную водку возила.

— Это ты про то, что Славка умер?

— И Славка после той водки умер, и другой Славка, и Любин муж, и Вовка Попов в больнице лежал, и ещё...

— Любиному мужу туда и дорога, и Славке тоже. Может, они от другого совсем умерли, — недоумевала Валентина, — я сама у неё покупала, и ничего.

— А у них во как вышло.

— Она что, пробовала эту водку? Какую купила, такую и продала. Деньги всем нужны.

— Нужны, — согласилась бабка Катя.

Из дома по-прежнему не доносилось ни звука и лился свет. Гопота не появлялась и не уезжала. Чтобы не мёрзнуть, Валентина перебралась в кровать под одеяла, а Маня, запертая в полутёмном доме с незнакомыми бабками, заскучала, ещё чуть-чуть — и она начнёт ныть, и остановить её делом будет почти безнадёжным.

— Садись рядышком, — подозвала Аня дочку, положив на ку-

хонном столе бумагу с фломастерами. Девочка забралась на стул, усевшись на коленки.

Бабка Катя, сидя напротив неё, заинтересованно притихла. Маня знала, что будет дальше — сказка. Она любила, когда ей рассказывали сказку, рисуя картинки. Детского внимания не хватало на длинное повествование, но по окончании она увлечённо возилась с картинками, вертела в руках, сосредоточенно складывала, засовывала в свои пустые коробки, то есть какое-то время была занята.

Сказка называлась «Колобок». Маня со старухой пристально следили за появившимся домиком с окошком на белом листе бумаги рядом с забинтованной рукой, за выросшей травкой с цветочками, за солнышком и таким же, как солнышко, круглым жёлтым колобком.

— Он без зубов? — удивилась старуха его растянутому полумесяцем рту.

— Он же из теста, — вступилась за своё авторство Аня, продолжая рисовать.

— Нам в школе такую сказку читали, — навалившись на стол, поведала баба Катя, уютно скрестив руки под мягкой бесформенной грудью. — За реку ходили в школу, — мечтательно вспомнила она, — каждый день ходили, и в мороз тоже.

— А дома не рассказывали?

— Бабка старая, другие только, не как в школе. — Выждав паузу, старуха приступила к обстоятельному рассказу. — Один мужик на горе пахал у леса, тёмного-претёмного. На закате пахал, а нельзя на закате пахать, ну и вот, лемехом зацепился за что-то. Земля вывернулась. Он смотрит — там гроб черню-ю-ющий...

— Кажись, в их доме проснулись, — Валентина прервала её страшилку, встав с кровати, прошла за перегородку в соседнюю комнатку к окну.

— Что там? — Аня стояла за её спиной.

— Не пойму, говорят о чём-то.

Глава 20

Жилая половина избы чепухом окошками глядела на реку, а пятым, боковым, из Маниной комнатки, — на соседний дом, туда, где расположились пришельцы. Аня с дочкой и старухами стояла, всматриваясь в задёрнутое занавеской, источающее холод окно, в его вертикальную щель между кривым наличником и куском оргалита, они вслушивались в надежде выхватить обнадёживающее известие, заглушаемое собственным дыханием. Ближе всех к подоконнику располагалась Маня, за ней, повыше, — баба Катя, чуть сбоку и поверх бабы Кати возвышалась

Валентина, Аня стояла на табуретке. Парни поочередно выбегали на снег, попадая в узкую полосу обзора, шевелили руками ниже пояса, отрешённо глядя на лес за рекой. Пересекая зону видимости, они казались неотличимыми, как если бы выскакивал один и тот же несколько раз. Последний, повернув голову к дому, прокричал, что харчей побольше надо поискать и замки на дверях посшибать.

Застыв, Аня почти стекла с табуретки, на которой стояла, изогнувшись вбок, страх лишил способности думать, стерея все мысли.

— Спрятаться тебе с дитём надо, — отрезвила её Валентина. — Нас найдут, скажем, что живём здесь, испугались их.

— Да-да, — оживлённо согласилась Аня.

— Что стоишь?! — цыкнула на неё Валентина. — Вещи детские собирай.

Аня бросилась к лежащему на печке рюкзаку, туда полетели дочкины игрушки, одежда, она запихала какие-то свои вещи, баба Катя схватила рисунки с колобками, засунула в топку плиты, спрятала в буфет фломастеры. Натянув что-то тёплое на себя и дочку, надев рюкзак, Аня, приподнимая дверь, чтобы не скрипнула, приоткрыла её, быстро выскочила и так же аккуратно закрыла. Пустив перед

собой дочку, она на четвереньках карабкалась по узкой, почти корабельной лестнице на чердак. Одна ступенька, вторая, третья. Она перебирала их руками и ногами, тяжело дыша от напряжения под приближающийся скрип снега внизу. Дочка ловко забралась на самый верх. На чердак все поколения владельцев дома выбрасывали всё то, что не являлось полезным, то есть не могло сгнить в огороде на благо будущего урожая. Мать непорядочного антиквара Виталия, пытаясь навести там порядок, быстро потеряла интерес. Пол на чердаке отсутствовал, только у самого лаза со значительным расстоянием друг от друга были уложены незакреплённые разошедшиеся доски, старые, из распущенных брёвен. Далее, как и под досками на потолочном перекрытии, лежал песок, толстым слоем, для тепла. Потолочное перекрытие избы сложено было из тонких тёсаных бревен, ступая на них, вглубь чердака, взрослый, тем более мужчина, мог легко их проломить.

— Ползи, — тихо сказала дочке Аня, шлёпнув любя по попе. Опустившись на четвереньки, девочка послушно заработала коленками. На противоположной стороне чердака, там, где коленом изгибается печная труба, грудой ломаных костей валялись отполированные брусья ткацкого

станка вперемешку с обрывками рыболовных сетей, тряпьем и картонными коробками. Сюда стремилась Аня, придавленная рюкзаком, переваливаясь через поперечные брёвна, ползя на животе по ледяному песку, перемешанному с крысиными фекалиями, по щепкам, по осколкам стекла. Добравшись до места, Аня спустила с плеч рюкзак и, оградившись коробками, притаилась в рыхлом убежище, посадив дочку на колени, обняв для тепла и защиты. Она осыпала ребёнка мелкими поцелуями, но девочка, с раздражением высвободившись, прошептала:

— Эти дядьки давно ночью приходили?

— Да, но они нас не найдут. Тогда ушли и сейчас уйдут.

Девочка покорно сложила ручки на коленках. Обнимая её, Аня чувствовала мягкое тепло, но холод снаружи сдавливал тело всё быстрее и сильнее, этот холод бесконечно простирался по заснеженной пустыне, и она среди него одна, а внизу, на улице, скрипели шаги, всё ближе и ближе к её дому. Замерли у крыльца, потоптались на месте.

— Блин! А где Сашка? — услышала она. — Тут замок висит!

— Он в другой дом ушёл, у леса, — приглушённо донеслось в ответ. Старые деревянные дома не держат звук, слышно, что внутри и что снаружи.

Шаги опять закрипели, но теперь они удалялись. Аня выдохнула и обмякла. Спустя какое-то время послышалась довольная перебранка: гопота возвращалась с трофеями, значит, можно покинуть убежище. Вслед за дочкой она спускалась с чердака, осторожно, чтобы не задеть рюкзаком верхнюю ступеньку крутой лестницы и не свалиться. В сенях случайно скользнула взглядом по забытым Маниным формочкам для песка с застывшим в них цветным льдом. Аня хотела сделать уличную гирлянду из подручных средств: в дочкины формочки она налила воды, добавила акварели, красной, синей, зелёной, и протянула, утопив, через них бечёвку. Все следы замести невозможно, стало страшно от неслучившегося. Вернувшись к перепуганным старухам, скуля и стуча зубами от напряжения и холода, она никак не могла совладать с трясущимися руками. Кто-то из старух стянул с неё рюкзак и отправил его на печку, кто-то приглубил и взял Маню на руки. Через несколько минут девочка как ни в чём не бывало сидела за столом, с интересом разглядывая извлечённые из печки помявшиеся картинки с колобком.

— Чаю тебе согрею, — суежилась перед Аней бабушка Катя. Она обняла её, мягкая, старая,

морщинистая. «Бабушка!» — пронзило Аню.

— Да-да, — соглашалась Аня, не понимая, что ей говорят. Потом она взяла Маню и ещё долго тёрла обеими руками с мылом, бесшумно приподнимая носик металлического рукомоёйника.

— Я так думаю, — заявила Валентина, наливая себе чай и накладывая в блюдечко Ленкино варенье, теперь уже черничное, — они не уедут сегодня. Середина дня, а они есть собираются.

— Темнеет быстро, — бабушка Катя слабо дула в налитый на блюдечко чай, — под плечом, кажись, болит.

Она поставила блюдце на стол, чтобы чай остыл сам.

Аня не обращала внимания ни на старческие жалобы, ни на мелкие бисеринки пота на бледном, словно обсыпанном мукой, лице бабушки Кати, ни на её частое, всхлипывающее дыхание. Она думала о парнях, о том, что они боятся возвращаться: мобильник потеряли, снегоходы угробили, задачу не выполнили. Такое не прощают.

— Устала я маленько, — бабушка Катя поплелась к кровати.

Валентина зевала:

— Скучно... Телевизор не включить.

— Я вам почитаю, — Аня с готовностью вскочила.

— А что?

— «Поднятая целина».

— Давай, хорошая книжка.

Для тепла они устроились все четвером на кровати, но Давыдов ещё только начал речь искусного сказочника в гремаченском активе, а вслед за бабкой Катей совсем скоро засопела Валентина; в доме стоял полумрак, Аня, пытаясь угадать слово на пожелтевших страницах, часто замолкала, повествование сбивалось, старухи скучали.

Забрав из кровати дочку, Аня подошла к окну в соседней комнате, выглянула в щёлку: прямо на неё шёл парень. За тот миг, что она на него глядела, она даже не успела вздрогнуть, вздохнуть, зато детально разглядела его физиономию, пельменеобразную, простодушно-толстогубую, с широким вздёрнутым носом, с бесцветными тусклыми глазками под надвинутой до бровей чёрной, плотно обтягивающей голову шапочкой. Дойдя почти до Аниного крыльца, парень круто повернул и пошёл вдоль дома. Она догадалась, что он ищет потерянный вчера чужой мобильник. Дело это было почти безнадежным: резвилась пацанва на «Буранах» и по всей деревне, и далеко в поле. Парень сам понимал это, что выдавала его полнотью расхлябанная фигура.

Сейчас Ане бы любоваться крупными, скользящими за подёрнутым морозным узором окном снежинками, мягкими,

пушистыми, и спящим лесом за рекой, но её внимание сосредоточено только на этом одноклассном типе, упыре, упустившем её след. Она взяла дочку за ручку и повела на кухню рисовать и играть, но уже там из просвета кухонного окна видела, как парень плёлся в конец деревни мимо притихшего дома бабки Мани и, спустя значительное время, обратно. Пройдя мимо Аниного крыльца, он свернул к себе, где на улице оставшиеся парни с тем же успехом чинили свои сломанные средства передвижения, вызывая у неё злорадство, смешанное с презрением и сочувствием. Положение обеих сторон, преследователей и жертв, было незавидным. Семёныч с Витей, а тем более с Сашком второй прокол в истории с Петей ребятам не простят. Ане оставалось набраться терпения и ждать, когда братва понуро уберётся восвосяи.

Кряхтя, Валентина подошла к печке, потрясла пальто.

— Не просушится оно, печка остыла.

Аня смотрела на неё выжидающе.

— На чердак сходи, развесь, живо высохнет. Вон мороз уже и стекла затянул, — Валентина смекнула, кто хозяин положения, а потому, достав из буфета печенье и жуя, направилась под одеяло в кровать.

Намяв и напихав старухам в обувь газет, выбросив в холодную печку влажные, Аня стащила их пальто, рейтузы, исподнее и с тяжёлой непросохшей кофтой, закрывающей глаза, осторожно вышла в промёрзшие сени. Она поднялась на чердак и, расплакавшись, бросила на пыльные половые доски старушечьи обноски. Утирая рукавом слёзы, жалея себя, очутившуюся в услужении у чужих бабок, она брала по очереди каждую из тряпок и развешивала на верёвке так, чтобы они как можно лучше просохли. Держа аккуратно латаные-перелатанные шерстяные рейтузы, вероятно, бабки Кати, она слышала скрип приближающихся шагов — и не одних. Затем какую-то возню, скрип снега и лёгкий стук в стену. Один, два, три. Холод и страх сковали её, лишив способности думать о чём-либо другом: ребёнок без мамы, с чужими старухами внизу. Любая мелочь способна напугать девочку так, что та заплачет. Аня замерла с вонючими старушечьими портками в руках.

— Твоя очередь! — услышала она...

Ребята играют в дартс.

Мишень с дротиками, купленная Петей, висела снаружи на стене сеней. Значит, одни будут долбить, другие молчать и слушать. Не подумав развешивать одежду, она выскочила налегке.

Холод медленно и неотвратимо сдавливал её, пронзая даже тёплые слёзы на щеках. Ползя от кончиков пальцев, он сковал ноги, пригвоздив их к доскам пола, лишив возможности их размять, чтобы не скрипнуть незакреплённой промёрзшей деревяной, не двинуть и не брякнуть ненужным хламом. Аня обмотала руки старушечьими рейтузами, пытаясь согреть в них, как в муфте, пальцы, она их тёрла, сжимала-разжимала кулаки, но жгучая боль только усиливалась, а неподвижные ноги она почти не чувствовала. Парни между тем увлечённо кидали дротики, стуча в стену и дружески переругиваясь. Игра была в самом разгаре, завершать её не собирались.

— Станный этот дом, — услышала она, ужаснувшись, что через мгновение может потерять сознание и рухнуть на пол с грохотом, под исступлённый неутрахающий крик Мани. Но она устояла, а дочка не крикнула.

— Да, окна слабо запотели. В других сплошь покрыты льдом.

Послышались приближающиеся шаги.

— Да, тут рамы двойные.

— Дача с двойными рамами?

— А тебе какое дело?

— Странно...

— Мужики, у меня руки околели.

— Проигрываешь потому что.

— Не, честно.

— Ладно, пошли.

Под удаляющийся скрип шагов Аня принялась развешивать оледеневшими руками оставшиеся шмотки, завершать то, за чем она сюда залезла. Спустилась вниз, вошла в избу, показавшуюся ей не просто тёплой, а раскалённой.

— Ну мы и натерпелись страхов, — почти хором проговорили старухи. Маня, спрыгнув с кровати, бросилась с разбегу в объятия матери.

— Бармалей ушли? — девочка заглядывала ей в глаза своими, широко распахнутыми, доверчивыми.

— Ушли, ушли, но всё равно не шуми, услышат. Спасибо вам, что дочка не расплакалась, правда, спасибо, — Аня почти с благодарностью смотрела на бабок.

— Да уж, тут сказки ей нащёптывали, сами не помним какие, — отвечала Валентина.

Чтобы старухи не роптали, она накормила их раньше времени обедом, вывернув в гречневую кашу две больших банки тушёнки. И если баба Катя размазала Анины старания по тарелке, почти не ела и, напившись чаю, улеглась обратно в кровать, то Валентина, чрезвычайно довольная, отобедала за двоих.

Кое-как моя в тазу здоровой рукой скопившуюся за сутки засохшую посуду, Аня слуша-

ла обрывки разговора старух, к которым от скуки перебралась Маня.

— А с мужем покойным на танцах в клубе познакомилась, — Валентина рассказывала свою нехитрую жизнь притихшей бабе Кате. — Дом его выше по течению, пятнадцать километров. Молодые были...

— Валентина Ивановна, — Аня выглянула с кухни, — потише, пожалуйста.

— Ну и вот, — продолжала та. — Стали мы с его родителями жить. Пошла я как-то в баню и вижу: говно моё на крышу дома закинуто, к самому дымарю. В хлеву его свекровь подобрала.

— Ох, — отозвалась бабка Катя.

«Ну и дура! — думала Аня, вытирая тарелки и складывая их в буфет. — Как она его опознала?»

— Я бегом к маме в деревню. Мама как узнала, говорит: «Собирайся, она ворожит, со свету тебя сживёт!» Вот тогда мы на лесосплав и подались.

— Так это твой муж на похоронах помер? — прошелестела бабка Катя.

— Мой, мой. Приехал её хоронить, выпил, вот она его к себе и забрала, ведьма старая.

Молчали. Нарушив тишину, по полу одна вдогонку другой прошнырнули, волоча длинные хвосты, три крысы. Маня не

двигалась, слушая бормотание старух, не понимая смысла, но улавливая суть — сладостный ужас. Вернула всех к реальности Аня, выплёскивая в парашу грязную воду.

— А мы летом на плотках по реке далеко ходили, спали в шалаше. Тихо на реке ночью. Когда мятлица летит ночью, по течению всё белым-бело, как в метель. Один раз вышла я с фонарём своего встречать из деревни, а рядом под ногами шум, шорох, осока высокая так и полегла, и как выползет из неё что-то вниз к воде, бревно толстое, большое и длиннющее, а потом в воду плюх! Я фонарь-то подняла, да только круги на воде, и белое видно брюхо, в глубине сверкнуло и вниз ушло.

— Ох!

— Поди знай, что это было. Может, и сом. Сомы детей выползают воровать, — Аня глянула на окаменевшую, с широко раскрытыми глазами, дочку.

— Маленьких? — пролепетала Маня.

— Маленьких, конечно, больших не унесут, — разъяснила Валентина и высказала другое предположение: — А может, это ещё чего было, кто знает.

— Манечка, не бойся, сейчас зима, лёд, никто не вылезет, — Аня выглянула с кухни, девочка со всхлипом вздохнула и расслабилась.

— Омут у нас был, людей много потонуло там, — подхватила бабка Катя леденящую тему в сгущающихся сумерках холодного дома, с бандитами под боком. — Отслужили молебн на берегу, народу собралось тьмуца-а-а, а как крест опустили в воду, там всё так и забурлило, вырвалось и вниз потекло по реке.

— И всё бурлило?

— Так старики сказывали.

— Да-а-а.

— Что-то холодно совсем стало, — пожаловалась бабка Катя, — нет ли у тебя, доченька, ещё одеяльца?

Аня в задумчивости распахнула хозяйский шкаф: одеял лишних точно нет, но зато обнаружились пуховая шаль.

— Вот спасибо, — благодарила старуха, когда Аня укрывала её шалью. — А не могла бы ты мой мешочек принести, я носки там поищу?

Аня принесла её пожитки: выцветший зелёный армейский вещмешок, завязывающийся ляжками в узел наверху. Старуха, пошуровав, выудила из него носки грубой шерсти, латанные-перелатанные, бледно-рыжие, крашенные луковой шелухой. Случайно Аня задела руку старухи.

— Ой, холодная, — вздрогнула та.

Аня насторожилась, потрогала её испещрённый мелкими

морщинками низкий лоб — горяченый.

— Баба Катя, вы, кажется, заболели. Я сейчас вам градусник поставлю.

— Вот так, — старуха съёжилась под одеялами, — не зря я на четверг видела дурной сон, червивый сон.

— А что ты видела? — с жаром поинтересовалась Валентина.

— Часовену видела у четырёх дорог, а вокруг всё деньгами, деньгами посыпано, монетами всякими.

— Фи-и-и.

— Вот тебе и фи.

— Баба Катя, — строго велела Аня, — давайте градусник.

Аня подошла к окну разглядеть бесцветный столбик ртути: он замер у цифры 38. Старуху знобило, значит, температура повышалась, но в доме и на улице она неустанно падала, впереди ещё ночь.

— Ну, что там? — нехотя поинтересовалась Валентина.

— Температура, я сейчас аспирину дам, — Аня сказала таким бодрым голосом, будто эта круглая белая таблетка обладает чудодейственной целительной силой. Всё просто: положил в рот, запил водой, раз — и здоров. Эта показная оптимистичность диссонировала с раздражением на чужую глупую старуху, сутки назад бесцеремонно вторгшуюся в её жизнь. Ане нисколько не

было жаль её, почти бесили эти показательные вздохи, несвежее дыханье вперемишку со старческим запахом. Могла бы старуха и потерпеть, а не демонстративно вызывать к себе жалость. Ещё эта карга перезаразит их всех, и что Ане тогда делать с этим лазаретом, больной, с больным ребёнком, который непременно будет плакать. Злость на Петю за сложившееся положение сплеталась с ужасом, что он зайвится до отъезда братвы.

— Наверно, она нас всех уже заразила, — Валентина обречённо вздохнула.

— Если бы сидели в доме бабы Мани, было бы то же самое, — оправдывалась Аня.

— Лучше мне, — уверяла бабушка Катя, едва проглотив таблетку, облизывая бледные потрескавшиеся губы, — вот только плечо болит, не вздохнуть, уши-блать, видать.

Она уселась поудобнее в подушках, натянув по горло одеяла. Но, просидев некоторое время, сползла на спину, улеглась на правый, потом на левый бок. Везде было плохо или очень плохо. Она вновь села.

— Через час температура спадёт, — Аня глядела на раскрасневшиеся дряблые старушечьи щёки, стараясь поверить тому, что сказала.

На улице послышались не то разговоры, не то ругань: двое

парней опять направлялись к их дому, свернули и пошли вдоль. Теперь уже двое направились на поиски мобильника, протоптав у дома Ани тропу.

— Скучно, — канючила Маня.
— Гулять хочу.

— Чего тебе гулять? — удивлялась Валентина. — Холодно там.

Маня соскользнула с кровати и, топя пятками, вызывая шиканье матери, сбегала за яркой замусоленной книжкой.

— Читай, — она протянула её бабе Кате, видимо, чувствуя к ней особое расположение.

— Глаза у меня худые, видят плохо, — отнекивалась та.

— Сказку читай, — не унималась девочка, переходя на капризный тон.

— Я тебе спою лучше, — и срывающимся тонким голосом она запела, с шумом хватая воздух:

— Задушевная, попляшем,
Да и песен попоём,
Пуускай люди все подумают,
Что весело живём!

— Ещё, — потребовала девочка.

Обвисшая лягушачья кожа на шее старухи заволновалась, вздохнув и закашлявшись, она продолжала:

— На дворе гармонь играет,
На дворе петух поёт.
Бабка юбку потеряла,
Дед нашёл, не отдаёт!

— Ещё матерные ребёнку спой, — упрекнула Валентина, но девочка, чрезвычайно довольная, улыбалась, и воодушевлённая бабка Катя продолжала:

— На столе стоит стакан,

А в стакане таракан... — старуха внезапно замолчала. — Забыла, совсем забыла, дурная голова! — она хлопнула себя ладошкой по лбу и беззвучно рассмеялась вместе с Маней, одна — обнажив рот с мелкими молочными зубками, другая — с по-детски гладкими и розовыми дёснами и одиноким кривым зубом.

Старуха бодрилась, желая всем угодить и не быть обузой, но быстро выдохлась, надолго замолчав и закрыв глаза.

— Видно, за грехи у меня всё так случилось.

— И что у тебя за особенные грехи? — Валентина бросила недоверчивый взгляд.

— Всякие грехи. Лягу на кладбище... Позабыт-позаброшен, — тонюсенько заскулила она, — вот умру я, умру...

— Завела...

— А мама меня жалела... Теперь некому, давно уже некому...

Глава 21

Как холод и крысы, выползая из дальних углов дома в его середину, жиденькие сумерки

сгущались, плотнели, обещая вскоре превратиться в непроглядную темень. Аня увела от старух дочку в её бывшую спальню и, забравшись с ногами на оттоманку, включила фонарик, принялась читать, но бубнящие старухи рассеивали и её, и дочкино внимание, в конце концов, она бросила это занятие. В слабом жёлтом световом кругу фонарика они оцепенело вслушивались в доносившиеся из темноты монотонные разговоры под грызнию крепких острых зубов крыс под полом и утихающий шум из соседнего дома.

— По обе стороны от мамы два гробика, сестрёнка и братишка. До меня родились, одна за два года, другой ещё раньше. Мама их покрестить успела, потом ночью спать к себе брала из зыбки, титьку на носик тихонько положила. Заспала, сама говорила.

— Да когда это было? Вспомнила!

— Ох, давно.

— Тогда кормить надо было живых, рожали, как котят. В солону в хлеву выкакивали, сидя на корточках! Моя бабка четырнадцать родила, а муж пил. Как тут не заспать! Жить-то хочется...

«От приплода избавлялись, — думала Аня, — как и любимые всеми аисты, дети природы».

— А крещёные были?

— А я почём знаю.

— Груня Колосова, говорили, чужого загубила. В няньки девчонкой восьмилетней отправили за пять километров, дак по матери соскучилась, и чтобы вернуться, на мороз выносила мальчика, раздетого совсем, чтобы помер. Он как помер, её отпустили к матери. Довольная убежала, потом ей аукнулось. Уж как она в младшей своей, Улите, души не чаяла, а та всё равно повесилась. Такая жизнь...

Бабка Катя замолчала.

— Живая? — Валентина ткнула её, но старуха не шевельнулась. — Уж не умерла ли она? — Валентина нагнулась к бабке. — Вроде дышит, или кажется... Ань, подойди-ка.

Но Аня уже стояла рядом, бабка Катя тихонько закашляла.

— Живая. Поставь ей градусник.

Аспирин температуру не сбил; проворно взлетев вверх, ртутный столбик в свете фонарика казался бесконечным. Аня попробовала нащупать пульс, частый-частый, мелкий-мелкий, как у цыплёнка. Дома Аня бы вызвала врача, но здесь старую женщину приходилось лечить аспирином и градусником. До одной деревни шесть километров через лес, другая отрезана рекой, бандиты рядом. Аня рылась в аптечке: пластыри, бинт, детские капли от насморка. Молодость не слишком

дружит с лекарствами. Отдельно лежал пакет, переданный мамой: шприцы, ампулы с новокаином и пенициллином, всех по десять штук, допотопное средство. Значит, она будет колоть через каждые четыре часа, самостоятельно поставив диагноз: воспаление лёгких. И пока Маня держит двумя руками фонарик, она вскроет ампулу с новокаином, проткнёт иглой резиновую пробку пенициллина, попросит старуху перевернуться на живот и, стараясь не дышать носом, чтобы не чувствовать аммиачный запах спущенных штанов, натрёт её ягодицу ваткой, пропитанной Мишкиной хреноухой. Набравшись решительности, Аня вонзила шприц в плоскую бледную задницу.

— Умеешь колоть, — от скуки Валентина внимательно наблюдала за происходящим.

Аня колола впервые, второй в жизни укол — через четыре часа.

— Натереть бы её хорошо, — посоветовала Валентина, оставаясь в стороне. И Аня послушно разводила самогонку с уксусом и водой и старательно тёрла бабку, впервые испытав что-то похожее на жалость из-за её цыплячьей спины с безвольными мышцами и волнами гуляющей, просчитывая рёбра, обвислой кожей. Она толкла ей аспирин, засыпала в пересохший незакрывающийся рот, на растрескавшийся язык,

подносила кружку с водой, чтобы та сделала инстинктивный глоток: половина оставалась на узких бледных губах, которые она иногда облизывала. Старуха, преданно глядела своей спасительнице в глаза, окунувшись в забытую детскую доверчивость.

— Молодец, — ласково хвалила её Аня, непроизвольно торопя события, решая, куда класть старухин труп. Лучше на холод и в сени, а не волочить по полу и, упираясь, на чердак. Как потом замотанную простыней и одеревеневшую везти через реку на кладбище?

Глава 22

Ночью, бесконечной, изматывающей, под безмятежное, ровное дыхание дочери, поверхностное, частое бабки Кати и шумное Валентины Аня погружалась в тяжёлую полудрёму, прерываемую опасением, что пропущено время укола.

Набиравший силу ветер выдувал тепло из домов, многоголосо гудел в трубе, щелях, сбрасывал снежную пыль с распухших крыш, поднимая метель, оставив землю, он взлетел ввысь, к неотвратимо темнеющему небу, погнав по нему грязно-серые облака. Может, то не облака вовсе, не водяной пар, а души младенцев, заспанных, синюшных, лишённых жизни, как бы нечаянно,

во сне, жаркими голыми гру-
дями собственных матерей, или
брошенных на морозе, но пред-
варительно окрещённых, чтоб в
рай душа голубком упорхнула?
Ватаги голопузых пацанят сби-
вались в тучки, пошаливали, де-
вочкам серьёзные хитросплетён-
ные козни рушили, самоубийц с
кровавыми удавками вокруг шеи
обижали, задирали девок брю-
хатых, лишивших жизни бул-
тыхающегося во вздутом чреве
младенца с закрытыми глазами,
принимающего образ рыбки,
свёрнутого калачиком головасти-
ка и вполне даже человеческий.
Они гонялись весёлой гурьбой
за мутноватыми стаями упырей,
за сбившимися друг к другу от
голода и замогильного холода
теньями недавнего прошлого, в
дранных телогрейках, или совсем
забытых, в залатанных портах и
посконных рубахах. В одном из
образовавшихся просветов меж
раскиданных по небе облаков
явится луна, одинокая, освещаю-
щая снег мертвенным светом. Из
глубины хлева, а может, с черда-
ка или с улицы доносились сла-
бо различные звуки, или лёгкие
шаги, или даже шёпот, приглу-
шённый, неясный, обрывающий-
ся, как только Аня закрывала
глаза, возобновляющийся с её
дремотой, чтобы вновь раста-
ять...

Аню окончательно выбил из
сна звук падающего тела, впол-

не конкретного, большого. Она
выбежала на кухню, фонарик
осветил застывшую на карачках
Валентину и по обе стороны пе-
ревёрнутые вёдра с водой. Стоя
на четвереньках, та глянула
снизу на неё, повернув к свету
рыхлую, покрасневшую, оскал-
лившуюся рожу.

— Качнуло чуток, — и в не-
сколько приёмов поднялась,
опираясь на лавку у печки. — Не
намочилась совсем, — удовлет-
ворённо сообщила она, даже не
убрав за собой, даже не задумы-
ваясь, что Аню её состояние ни-
сколько не волнует. Неуверенно
развернулась и мелкими шаж-
ками направилась к кровати.
«Хорошо хоть не парашу опро-
кинула, и вёдра пластиковые, не
гремучие», — думала Аня, про-
мокая тряпкой образовавшуюся
лужу и отжимая её в ведро. Воз-
вращаясь к себе в комнату, она
повернула громко захрапевшую
Валентину на бок и поправила
подушку повыше.

Утром её разбудил новый
стук, громкий, настойчивый.

— Тук, тук-тук, тук-тук-тук.
— Звук настойчивый, точечный,
оглашающий окрестную тишину.
— Тук, тук-тук.

«Блин! Петя!» — Аня вскочи-
ла в кровати. Заявиться, когда
появилась надежда, что они пе-
ресидят, переждут нагрывших
пацанов! Теперь его явление
перечёркивает все усилия, все

надежды. Всё бессмысленно, всё обрушилось разом! Сейчас продерёт глаза гопота, бросится к окнам... О том, что произойдёт дальше, лучше не думать. Нет, только не думать. Господи!

Тук-тук, тук. Петя упрямо долбил и долбил, намереваясь поднять на ноги всех. Почему-то он долбил не в дверь, а в стену, причём высоко, почти под самой кровлей.

— Дятел, — спокойно проговорила бабка Катя, — не к добру.

— Не померла, значит, за ночь? — подала голос Валентина.

Аня выдохнула, но приезд Пети ожидала не сегодня, так завтра. Отгоняя назойливо-тревожные мысли, принялась готовить завтрак, чистить, вытирая сухим полотенцем, картошку и жарить её в отсутствие воды. Но и картошка, и слабо разбавленный, приторно сладкий компот лишь усиливали жажду и тяжесть в желудке.

— Сладкий слишком, — жаловалась Валентина, наливая из банки компот.

— Вода для детей и больных, — отрезала Аня. — Сама пролила.

— Я долго терпеть не буду. Так и знай.

Аня знала, но ближе к обеду пацаны сами потащились по протоптанной тропе вдоль её дома. Не закрыв за собою входную дверь, всё побросав, они тянули

за собой обмотанные найденными бельевыми верёвками «Бураны». Парни останавливались, перевязывали верёвки поудобнее, переругивались, кому тащить и с какой стороны, противясь приближению места и времени расплаты. Добравшись до края участка, они повернули к лесу, к маленьким редким сосенкам на его окраине.

— Сейчас-сейчас уйдут, — Аня с Валентиной следили из окошка сеней за удаляющимися парнями, оставив Маню с большой старухой, — сейчас, сейчас.

Довольные, они уже собрались уходить в дом, как парни развернулись и двинулись обратно, более того, за ними шёл ещё кто-то новый.

— Это ещё кто? — Валентина с недоумением посмотрела на Аню. — Твой?

— Далеко, не разобрать, — Аня вглядывалась в этого нового, неотступно приближающегося к ним.

— Ну чё?

— Не похож...

Но если не Петя, то кто? Хозяин дома? Тогда он укажет на их избу и обязательно вскроет. Бежать и прятаться бесполезно.

— Пошли в дом, — велела она Валентине. Аккуратно закрывая дверь, услышала ругань:

— Мозги вышибу! Всем!

Андрей, его голос. Аня прокралась в комнату: бабка Катя

лежала в кровати, но дочери рядом с ней не было. Аня метнулась в другую комнату в тот момент, когда братва остановилась у её крыльца, а девочка цепкой ручонкой схватила горячо любимого плетёного козла, забытого на подоконнике между чудом не опрокинутым куском оргалита и стеклом. Дочка прижимала к груди козла, смотря на мать невинным взглядом. Ещё одна случайность, которая может стоить жизни.

— Бараны! — послышался под окнами голос Андрея. — Пусто в деревне? А это кто?

— Где? — не понимали парни.

«Заметил? — замерла Аня. — Дочку заметил!»

— У реки мужик с вёдрами. Эй! — и Андрей громко свистнул ему.

— Ишь ты, как разбойник, — прошептала бабка Катя, — это он Кольку увидел Маниного.

Аня не расслабилась: Колька всё ему выложит без утайки.

— Баню мне натопите, и чаю сюда свежего, — приказал Андрей и бросился напрямик к Кольке, остекленевшему от страха, посреди снежного простора, с коромыслом на плечах.

Снег забивался Андрею в ботинки, под джинсы, таял и холодила крепкие голые ноги над носками. Он не обращал на то никакого внимания, устав и промокнув, пробираясь от машины до деревни по бездорожью.

С момента отъезда людей Семёныча и Вити в деревню на поиски Пети время для Андрея застыло, спрессовалось. Не сумев переубедить пацанов, что бабу надо только отметить, цыкнуть и пригрозить ребёнком, боясь выдать себя, он появлялся в офисе, только убедившись, что ни Вити, ни Семёныча, ни тем более Сашка там нет. Но когда Семёныч сообщил, что третий день от ребят нет вестей, телефоны молчат, Андрей сорвался и поехал, полный самых мрачных предчувствий.

В деревне, где автобус делает кольцо, Андрей застал два фургона с одуревшими от скуки и сна водителями в соседней обитаемой избе. На вопрос «Ты почему, козёл, трубку не берёшь?» услышал ответ: «Вышка полетела, обещают послезавтра».

Плюнув, Андрей велел стелечку третью машину — его — и пошёл по целине один.

— Ты откуда? — от нетерпения крикнул он замершему на расстоянии с пустыми вёдрами Кольке.

— Живу.

— Один? — Андрей, запыхавшись, приближался к нему.

— Не, с матерью.

— А ещё кто есть?

— Есть. Танюха.

— Аня?

— Нет, Танюха.

— Красивая такая, с длинными волосами?

— Не-е-е. Это у Ленки волос длинный, и телом она красивая.

— Где она?

— Уехала.

— Кто?

— Ленка.

— А Танька?

— Тама, — Колька кивнул головой в сторону, откуда прибежал Андрей.

— Нет там никого.

— Значит, тоже уехала, Мишку завалили и уехали.

— Охотники?

— А кто их видел...

Андрей сдерживался, чтобы не въехать этому дурню в зуб.

— Ничего не путаешь?

Колька рассмеялся.

— Как перепутаешь, я ж ему могилу копал. Нам три мешка картошки осталось от него и свёклы ещё с морковью, два килограмма гороха...

— Всё! — Андрей круто развернулся и пошёл прочь и от Кольки, и от Аниного дома. Поднявшись в гору на самую высокую точку в деревне, вытащил мобильник, звонить не получилось, но СМС Семёнычу отослал, сообщив, что беглецов нет, а парни будут завтра.

На Анином крыльце его ожидал горячий чай с вареньем и наспех состряпанными блинами.

— Это что? — Андрей уставился на дымящийся из чашки чай.

— Андрей Юрьевич, вы велели вам сюда чай принести.

— Дурак! Ладно, давай.

Андрей поднялся на крыльцо, усевшись на застланную курткой скамейку под окном, за которым в глубине комнаты стояла Аня с дочкой. Тут же подбежал ещё один парень, заботливо укрывая его принесённым тулупом.

— Пошёл, — брезгливо дёрнулся Андрей, не перенося столь близкого и тесного вторжения, презирая за показную угодливость, когда тот заботливо подтыкал вокруг его ног тулуп, чтоб не дуло.

Чуть отойдя, парень спросил:

— Андрей Юрьевич, дом — такая развалюха, а мужик картинками старинными торгует, странно всё это. Может, адрес не тот?

— Это матери его дом, он здесь не бывает.

— Кого мы ищем, сюда, похоже, не приезжали. В доме убрано всё было.

— Значит, пустышка. Сами в другое место смылись.

— А это тот, что шефам статуэтки старинные толкнул? Я не знал, что раньше порнуха тоже была.

Андрей молча жевал блины, беря их с тарелки, выставленной на скамейке, и макая в литровую банку с вареньем; сладкое он, скорее, не любил.

— Андрей Юрьевич, я даже рад, что мы их не застали, —

не унимался парень, вероятно, считая своей обязанностью его развлекать. — Ну, с мужиком и бабой всё понятно, связали, газ, рядом река, лес. А с ребёнком как? — продолжал он, не встречая сопротивления. — Детей ещё не было у меня.

— Всё когда-то впервые. С ребёнком как раз проще всего, если неохота руки марать: с конфетой оставить, да хоть на вокзале.

«Чудовище!» — Аня задыхнулась от нахлынувшей разгорячённой волны.

— Ну да, а бабу его я бы оттрахал.

— Только после меня, — Андрей допил чай, дожёвывая последний блин.

— Ну да, начальство.

— А тебя это не касается! — с вызовом обрезал Андрей, не осознав, что выдал себя с головой. Он встал, сбросив тулуп, скользнув взглядом по окну.

— Эй, — обратился он к парню, — тут за стеклом виднелась голова плетёного козла с рогами, сейчас нет.

— Не было никакого козла.

— Да? А у меня глюки?

— Мы давно здесь не видели.

— И заиндевел этот дом меньше других. Неси лом, замок буду сшибать.

Схватив грязную посуду и тулуп, парень заскрипел снегом, удаляясь. Андрей переминался на крыльце с ноги на ногу,

прильнул к окну, но плотно задёргнутая занавеска не позволила ему увидеть ничего, кроме своего тусклого отражения.

Итак, спустя несколько месяцев Аня вновь стояла, не видя, но слыша Андрея, а он, безошибочно придя по её следу, вторично пытался открыть дверь между ними. Она одна, и у неё нет больше сил быть стожильной! Где на земле тот человек, большой, сильный, умный и добрый, кому молча уткнуться головой в плечо, ощущая защиту и спокойствие? Она всю жизнь ждала такого, и вот он рядом, и что он с ней хочет сотворить, она слышала. Не этого ли она желала ещё некоторое время назад? Нет, она не боялась: не она первая в этой жизни, не она последняя. Но его чувства к ней пасуют перед верностью братве и опасением её реакции. Даже если она наврёт и скажет, что причиной отъезда Пети послужили украденные им деньги и что он бросил её здесь, свалив в Питер, Андрей не поверит ни единому её слову, он выбьет из неё всё, что захочет, используя Маню как наживку. Иначе он возьмёт дочку за мягкую крохотную ручонку с тоненькими складочками, с пальчиками, каждый из которых хочется расцеловать, и больше она её не увидит. Не подозревая ни о чём, к её ногам всем телом прижималась Маня,

глядя снизу широко распахнутыми глазами.

Валентина шебуршала на кухне, бабка Катя, кряхтя, еле сдерживала кашель. Ещё мгновение — и она зайдётся сухим старушечьим кашлем.

— Андрей Юрьевич! Идите макароны с тушёной ешь!

Слышно было, как он развернулся и, скрипя ступенями, спустился вниз.

— Андрей Юрьевич, — раздался другой голос, — а лом?

Андрей молча махнул рукой и скрылся со всеми в доме, хлопнув дверью в тот момент, когда бабка Катя, устав сдерживаться, завохтала, с каждым разом всё громче и громче. Бросившись к ней, Аня прихлопнула её подушкой, как бы собираясь задушить. Старуха зашлась кашлем, тонущим в пухлом перьевом нутре. Аня приподняла подушку, прежде чем накрыть опять, старуха судорожно вздохнула, обведя всех помутневшими от бессилия глазами и затрясшись в выворачивающем нутро кашле. Выдохнув, она погрузилась в вязкое безмыслие, в мутный поверхностный сон, ожидая таблетки или укола. Она не понимала, лучше ей или нет, но, просто доверившись Ане, делала то, что велят.

Сегодня Валентина как-то дистанцировалась от них всех, часто торча на кухне. Заглянув

туда, Аня застала её со стаканом самогонки в руке. Нисколько не смущаясь, Валентина её живенько хлопнула, закусив предварительно отрезанным и посыпанным солью кусочком луковки.

— Ничего ты мне не сделаешь, понятно? — как припечатав, она поставила пустой стакан на стол, прекрасно зная, что она хозяйка положения, хоть и заложница. Все они тут одновременно и хозяйки, и заложницы.

— Так ночью вы пьяная были и оттого воду опрокинули!

— И что? — она глядела на Аню наглыми маслянистыми глазками. — Надоело в твоём нетопленном доме торчать! Слышишь? Сейчас как заору, пусть приходят! Моё дело сторона.

— Сколько? — Аня ненавидела эту бабу до бешенства, её раскрасневшуюся пятнами морду, пористую жирную кожу, бешеную завивку, всю её столбовобразную фигуру с ручищами, ножищами, бесформенной волнующейся грудью и гордо выпяченным животом.

— Что сколько?

— Сколько дать, чтоб ты заткнулась.

— Сто долларов.

— По курсу.

Но, получив деньги, спокойно потребовала:

— Ещё.

— Что ещё?

— Ещё столько.

— Будет двести, — сжав губы, Аня смотрела на неё в упор.

— Да хоть триста, — пренебрежительно бросила Валентина. — Сколько захочу, столько дашь, — Валентина явно куражилась, но её привычное скромное финансовое существование не позволило разгуляться фантазии далее, а потому она согласилась на сто пятьдесят. Подведя черту в отношениях, теперь обе друг для друга не существовали.

Молча отстранив Валентину и оставшись на кухне одна, Аня занялась приготовлением обеда. В одном Валентина права: пить хочется ужасно, а потому необходимо сварить супчик пожиже, воду взять ту, что пролита была на пол и Аня отжимала из тряпки в ведро. Если от супа останется вода, то вскипятит и разбавит компот.

— Нашла всё-таки воду, а говорила, нет, — Валентина налила добавки.

Бабка Катя не притронулась к еде, только Маня своим вниманием вдыхала в неё силы, подходя к ней и прося сказку. И в путаном сознании старухи всплывали с детства забытые небылицы, переплетённые с другими, известными, неизвестными, придуманными. Они внезапно обрывались, чтобы продолжиться другими, никак не связанными с предыдущими. Бабка Катя, приподнимаясь в подушках,

рассказывала сидящей на краю кровати девочке о русалке, влюбившейся в пастушка, и о колоколах на Пасху, и о божьем человеке, носившем железную шапку, большущую, как котёл, о камне с протёртым следом от головы, на котором он спал. Старуха поведала о неурочном часе, о раненой девочке и невидимом мальчике, о заговорённой кобыле и о ведьме с зелёными волосами по самую попу, являющейся по ночам на палубе в те далёкие времена, когда по реке ещё ходили пароходы с колёсами, и, как о явно случившемся, о мужике, потерявшем на ярмарке хрен, отчего тот сам гулять пошёл по деревням. Девочке нравилось, она говорила: «Ещё».

«Ужас, — думала Аня, — хорошо хоть не плачет». А воодушевлённая старуха продолжала:

— Ела баба редьку,
Выкинула Федьку.
Дальше я забыла,
В лоб тебя побила!

Стар и млад нашли друг друга, они хлопали в ладошки, глядя друг другу в глаза: одна в широко раскрытые, тёмно-синие, другая в выцветшие, спрятавшиеся в морщинках.

— Тс-с-с, не смейся громко, — говорила старуха девочке, — разбойники услышат.

Опасаясь, что за ночь в доме сделается ещё холодней, Аня решила проверить, не высохли

ли старушечьи пожитки на промёрзшем, продуваемом чердаке. Одев и забрав с собой Маню, с которой она теперь опасалась расстаться, она поднялась под крышу дома. Там сквозь щели надуло тонкий слой снега на опрокинутую банку, и на продырявленный стул, и на ящик из-под посылки. Стребая снег руками, Аня глотала его, со вкусом пыли, не утоляющий жажду: пригоршня превращалась в грязные капли.

Снизу раздался довольный вопль; прильнув к щелям в обшивке, чувствуя, как наливается кровью и стекленеет её лицо, она смотрела, подглядывала, как Андрей, распарившись в бане, выскочил голый на снег. Она уже давно сняла с верёвок просохшую старушечью одежду, и Маня, теребя её за руку, канючила и просила уйти. Но она дождалась, когда Андрей выбежит ещё раз и, сопровождаемый её бесстыдным ощупывающим взглядом, бухнется на спину в снег, расставив руки и ноги, перевернувшись, вспрыгнет и исчезнет за низкой дверкой баньки. «Зверь, — шептала она себе, — смертельно опасный зверь, дикий». И продолжала смотреть, мысленно шагнув со своего высокого, навзничь упав в снег и прильнув к голым холодным плечам.

Напрыгавшись и накричавшись в снегу, Андрей вышел из

бани одетым, Аня вернулась с дочкой в дом, едва не задохнувшись от кислого спёртого воздуха.

Валентина молча выгребла свою одежду из принесённого вороха, доставая и перекладывая в сумках свои пожитки. Для неё всё складывалось удачно: спала, пила-ела, да ещё и денег заработала, река из-за мороза должна встать, а парни, судя по всему, уедут завтра. Ещё ночку поспит, сегодня-завтра поест, а там и домой. И надо ли ей с какой-то Аней ругаться? Да она её, может, и не увидит больше, а бабка Катя сама помрёт.

Но бабка Катя не помирала, а так же, как и Валентина, засобиравлась. Кряхтя, она натянула пальто, залатанные рейтузы, укутала голову платком и тихонечко потопала в кухню. Слышалось долгое сопение, звук поднимаемой крышки подпола; когда Аня решила узнать, что там происходит, старуха уже сидела на земле в погребке.

— Закрой меня крышкой, лапушка, — попросила она Аню.

— Вы чего?

— Кашлять я горазда, обуза я вам, а тут не слышно.

— А как я укол вам сделаю? У меня фонарик сел, я со свечкой в погреб не полезу, — Аня склонилась над дырой в полу.

— Тут сидеть буду, пока не уедут.

— Холодно тут, вам нельзя. Руку давайте.

Длительные уговоры почти убедили старуху, что она не в тягость, и она уже готова была выбраться из своего убежища, но подняться с земляного пола погреба, как ни пыхтела, не могла. Пришлось Ане спуститься в узкое отверстие, поднимать на ноги старуху, заставляя её цепляться за ступени лестницы.

— Ох, сколько тебе от меня хлопот, — причитала старуха.

Аня выбралась вслед за бабкой Катей из подпола, закрыла его крышкой и, остановив медленно шаркающую старуху, принялась отряхивать землю с её пальто. Добравшись до кровати, бабка рухнула на неё, не в силах ни поднять с пола ноги, ни принять какое-либо другое положение.

Лекарства стремительно убывали, и от укола к уколу Аня всё больше убеждалась в бесполезности своих действий: состояние старухи не только не откликлось на них, оно ухудшалось. Казалось, та подошла к грани между медленным возвращением к жизни и стремительным движением под гору, к смерти, всё быстрее и сильнее, когда организм мощно и неотвратно уничтожает себя сам. Измотав себя и Аню, кашляя, всхлипывая и причитая о собственной беспомощности, под утро, когда все спали, бабка

Катя всё же тихонько забралась в погреб и, успокоившись, что никому не мешает, никак о себе не давала знать. Аня не слышала ничего, она забылась, измоталась. Об Андрее, что он рядом, в нескольких десятках метров, она не думала. Она ждала, когда он уедет, мыслей других в голове более не было никаких.

Глава 24

После бани, водки и ужина Андрей провалился в долгий крепкий сон, расслабившись после многодневного напряжения. Пацанва не знала, как ему услужить, ища союзника: близилось время возвращения и расплаты. Не будив почти до обеда и накормив ненавистными сладкими блинами, они молча ожидали приказаний.

Андрей вышел на улицу к замёрзшим снегоходам, поковырялся в них. Витя с Семёнычем так и остались гольтьбой, хоть и с деньгами: обзавелись подержанными игрушками, «Буранами» «в хорошем состоянии». Отогревая замёрзшие руки, он остановился на одном из «Буранов», пошуровав в сарае, где основные «запчасти» были тяпки да лопаты, сумел запустить движок, усмехнувшись и вспомнив, как учительница математики уговаривала его пойти в институт, а не в автослесарное ПТУ. Где бы

он сейчас был со своим высшим? Услышав звук мотора, пацаны вывалили на крыльцо. Андрей уселся на скамью «Бурана».

— Этот, — он кивнул на второй агрегат, — сами довезёте!

— Андрей Юрьевич, а как быть с мобильником? — неодетые парни ёжились от холода.

— Никак. Ты в фургоне его забыл, — он не считал за людей этих полудурков.

— Б...! — вырвалось у одного из них. — А раньше нельзя было сказать?

Стоя в снях, сбоку от окна, Аня следила за отъездом братвы: Андрей, газанув, на снегоходе, наполнив воздух запахом бензина, взбив за собой снег в облако пыли, исчез за последним домом в лесу. Его охота на неё повторно закончилась неудачей, но она не чувствовала ничего, ни грусти, ни злости, ни радости освобождения. Всё выпотрошено.

Через зимний застывший лес, через поля, взрывая тишину рёвом снегохода, Андрей домчится до соседней деревни, сядет в свой Volvo, заведёт промёрзший двигатель и укатит, предоставляя возможность тем, кто ему неровня, добираться самостоятельно.

Вслед за удаляющимся звуком мотора понуро потянулась послушная гопота, то толкая, то везя «за верёвочку» поломанный снегоход. Впереди у них шестикилометровый путь по

снегу, и преодолению они его за несколько часов, в офисе их в лучшем случае избытуют, а потому к справедливой барской каре они не спешили. Мысленно, то забегая вперёд, то поднявшись ввысь, Аня следовала за ними тем путём, которым они ночью с вещами брели к своему убежищу. Она спряталась за рыжим чешуйчатым стволом сосны, за утонувшей в сугробе ёлкой, она оказалась на продуваемом берегу реки, не забегая за их согнутые, привычные к битью спины, поднялась по склону в сторону порозовевшего от мороза заходящего солнца, утонувшего в поднимающихся сизых тучах. И здесь она их оставила, не догнав Андрея, не встретив никого на пути.

— Мужики к вечернему автобусу доберутся, а на нём твой, — озвучила Валентина Анины опасения.

— Заткнись!

Аня заглянула в подпол:

— Баба Катя, как ты?

— Хорошо, доченька.

— Баба Катя, они уехали.

— Ну, слава тебе, господи!

По крутым ступенькам Аня спустилась в подпол.

— В больницу поедем, баб Катя.

Аня попыталась её подхватить под руки, насколько позволяло узкое отверстие подпола. Старуха почти повисла на её руках.

— Ноги, ноги на ступени ставь!

Каким же тяжёлым становится обессиленное тело; ухватив под задницу, вонючую, немывную, в пальто, в тысяче обмоток, Аня из последних сил тянула старуху вверх:

— Валентина, блин, вытаскивай её!

Валентина не сдвинулась с места. Бабка Катя старалась, сколько хватало сил, цепляясь руками за края погребя, инстинктивно вылезая, миллионы раз проделав это с детства. Вытащив её на пол, Аня попыталась её усадить, прислонив к стене: маленькая головёнка бессильно болталась, бабка медленно нагнулась вперёд, почти сложившись вдвое. Идти в таком состоянии она никак не могла, слава богу, что сухая пока: Аня сунула ей руку под попу.

Прошёл час с тех пор, как братва скрылась в лесу, ушла по следам Андрея. Час — это безопасное время, вся шобла как раз будет на середине пути, ничего не услышит. Аня спустилась в неосвещённый сарай, тычась ключом, открыла висячий замок, опутанный железными цепями. Стараясь не потерять замок и ключ, положить их так, чтобы не забыть, она думала только о том, как набьёт полный рот снега, как он растает, как она сделает первый глоток или вдохнёт воздух,

морозный, свежий. Она ещё не раскрыла заваленные снегом ворота, ещё не нарисовала ими на снегу полукруги, два раскрытых веера, как Валентина в раскоряку, широко расставленными ногами, поднимая коленки, запрыгала со ступеньку на ступеньку, отстранив, промчалась мимо Ани и заголосила:

— Когда придёшь домой в конце пути,

Свои ладони в Волгу опусти...

Валентина, раскинув руки, пела, задрав голову в чёрно-серое небо.

— Издалека до-о-о-олго, — низкий грудной голос её когда-то был очень хорош, но ей не хватило дыхания, и она со свистом взяла воздух, — течёт река Во-о-о-олга-а-а...

Наклоняясь, она обеими руками хватала снег и ела комками, опять наклонялась и растирала им, невзирая на холод, толстое распаренное лицо.

— Ох! Надышаться не могу! Ох, не могу! Дерлинь! — взвизгнула она. — Дерлинь, дерлинь, дерлинь, дерлинь, эх, Коля, Николаша! Я приду, а ты встречай!

Грузная распоясавшаяся баба выплясывала, выкрикивая обрывки песен, темнея в стущающихся сумерках, вызывая у Ани омерзение. К её досаде, Маня, насидевшись взаперти, выпущенная из загона, разбежавшись,

также с воплями прыгала в снег.

— О-го-го, — резво вскакивала, и всё повторялось с тем же «о-го-го».

Валентина выдохлась быстрее девочки и под её гикание вытерла о пальто мокрые руки.

— Пожитки пойду собирать, — весело сообщила она, не подозревая, какие чувства вызывает.

— Пойдём, зайныка, салазки вытащим, — Аня пыталась совладать с дочкой. Маня затопала вместе с нею в сарай и даже держалась за спинку санок, считая, что помогает маме их вытаскивать.

Старинные салазки, длинные, с загнутыми деревянными полозьями, круглой спинкой, явление из прошлого, найдены были Петей над хлевом, среди остатков жёлтой соломы с пустыми колосьями, поломанных удилиц, жердей и клочков сетей. Починенные, они дожидались снега, чтобы катать Маню. Случай представился, хотя и несколько иной. Предстояло поднять полубесформенное обессиленное тело, довести до дверей, спустить на несколько ступеней вниз и посадить в санки.

— Валентина Ивановна, помогите же, мне одной не справиться!

— А что я? У меня самой вещей много.

— Да тащите вы своё барахло сколько хотите! В санки-то помогите человека посадить!

Но и вдвоём они с трудом справились; хотя старушка понимала, что от неё хотят, но так ослабела, что едва переставляла ноги. Испустив глубокий вздох, она почти рухнула в низкие салазки. Вытянув вперёд ноги, маленькая, она сидела в санках, пришедшихся ей впору, и свалиться могла в любую минуту. Аня пошла искать верёвку, обкрутила, как могла, старуху, ломая ногти, озябшими руками завязала бесформенный толстый узел. К тому времени, как они собрались идти, сделалось совсем темно.

Аня взяла коробок спичек с печки, керосиновый фонарь из сеней. Поставив лампу на крыльцо, она присела, сняла стеклянную колбу и зажгла спичку, но ветерок, хоть и слабый, задул огонёк, огороженный её ладонями. Она вернулась в сени, зажгла фонарь, надела колбу, убавив коптивший фитиль, покрывающий чёрным бархатом стекло, вспомнила о палке. Как она будет впереди себя в темноте ощупывать палкой лёд под снегом, проверяя его на крепость, когда в одной руке лампа, в другой санки, а за ними ребёнок? Аня даже боялась думать об этом, тем не менее отыскала допотопную лыжную бамбуковую палку и прикрепила поперёк санок. Мане велела держаться за их спинку и не

отставать, Валентине сказано идти последней, а если не хочет, пусть чешет по льду сама. Валентина легко согласилась, смекнув, что первой по целине пойдёт Аня.

Они двинулись вереницей мимо заваленных снегом уснувших домов с тёмными окошками, изгородей с белеющими пухлыми шапочками на каждом кольшке, вдоль замёрзшей реки туда, где не бьют со дна родники, где лёд крепче. Время от времени Аня приподнимала фонарь, освещая выхваченный из ночи кусок заснеженного поля, своё сосредоточенное лицо, но рука, устав, постепенно опускалась вниз, и скользила тень по лицу. За редким скрипом её шагов раздавался частый — дочкиных — и Валентинин, из стороны в сторону.

— Заинька, ты по моим следам ступай, — и Аня делала короткий шаг, раздавался скрип снега, фонарь освещал неглубоко провалившуюся ногу в валенке, затем она делала следующий шаг. Поначалу везти санки ей показалось нетяжело, но снег был рыхлым, свежим, а полозья санок старые и шершавые. Бабка Катя слегка задремала в салазках, свесив голову. Или забылась? Маня тянула санки назад, болтаясь на прицепе, сосредоточенно пытаясь попасть в мамины следы, Валентина тяжело и раздражённо дышала сзади.

За деревней ступили на широкий луг, зажатый безмолвной стеной леса на горе и непроницаемо застывшей полосой за спящей рекой. Лес на одном берегу, лес напротив, и всех их придавило низкое тёмно-серое небо. Шли медленно, тянулись за подслеповатым огоньком керосиновой лампы, и даже луна, чуть растопив плотные облака, только проглянула, никак не освещая путь холодным отражённым светом. Короткий поезд с большой горячкой двигался из прошлого в прошлое, из избы через поле, по льду в земскую больницу, где когда-то служил доктор, один на десятки вёрст. Вскрывал нарывы, вправлял вывихи, давал лекарства из высоких склянок и в редкие свободные минуты пил от скуки.

Аня старалась не думать о переходе через реку, когда перед каждым шагом, впереди, справа, слева, надо проверять палкой на прочность лёд, с силой втыкая под снег. А если лёд провалится под толстой Валентиной, последней? Она хвататься будет за всё, что под рукою, за санки, за ребёнка, утягивая их за собой в рваный зев полыньи, в быстрые воды, утекающие под сплошной покров льда. Аня вздрогнула; дочку она возьмёт на руки, даст в руки лампу... Попросить Валентину подождать, пока она перейдёт реку с дочкой и

вернётся за ними? Другого пути нет, но пересекать реку придётся четыре раза: два туда и два обратно. Впереди ручей, и надо подняться, не увязнув в снегу. Если Валентина ей не поможет с санками, она выдернет из ушей её аляповатые золотые серьги, ухватившись обеими руками, — раз! И вышвырнет её советские цапки в разные стороны, пусть ищет их, ползая, болтая рваными кровавыми мочками ушей.

— Никак кричит кто? — пода-ла голос Валентина.

Аня, погружённая в тревоги и фантазии, прислушалась:

— ...у-уха-а-а! — кричал муж-чина, она даже различала его си-луэт.

— Не убежать, — равнодуш-но подумала она, ноги сделались ватными, тяжеленными, и она ухнула в снег.

— Танюха-а-а!

— Танюху какую-то? — уди-вилась Валентина.

— Это меня, — Аня вздохнула и поднялась.

— А ты разве Таня?

— Ну да.

— А я тебя Аней звала.

— Да какая разница...

Кричал Колька, размахивая руками, приближался тёмными пятном, делаясь всё различимее.

— Уф, еле дозвался, — он за-долго перешёл на шаг. — Кри-чу, кричу. Что случилось-то? — Колька подошёл ближе.

— Да больную везём.

— Кого? — несмотря на то, что Колька был «свой», но его чёрный клокастый полушубок, широкая беззубая улыбка на смуглой физиономии с чёрными, сверлящими, глубоко посажен-ными глазками, с бесформен-ным, сдвинутым набок носом — всё придавало звериный облик здесь, в тёмном пустынном поле, где звук летит от края до края, не встречая отклика, вызывая ещё больший страх, чем нагря-нувшие братки.

— Бабу Катю, — Аня чувство-вала, что дрожит, что мелко-мел-ко трясётся голова, не слушаясь, что дёргается живот, свет лампы мечется по снегу.

— Горшкову, — буднично вставила Валентина.

— Откуда вы такие? — уди-вился Колька.

— В доме её сидели, — Вален-тина кивнула в сторону Ани, — покуда эти черти не уехали.

— Бандиты? — Колькино ра-достное возбуждение требовало подробностей.

— Да, — Аня немного совлада-ла с собой.

— Во дела! Мишку убили, ещё и вас хотели!

— Так это другие.

— А мы с матерью перепуга-лись, схоронились. Этот поймал меня, когда за водой шёл! И про Ленку спрашивал, и про Миш-ку, какую-то Аньку искал, про

всё такое! — Колька четырежды проорал им свою короткую историю, с разными подробностями, начиная и обрывая в произвольных местах.

Для него случившееся — приключение, перебившее однообразно одинокую жизнь, будет теперь всем встречным-поперечным рассказывать в радиусе десяти километров.

— А я в окошко глянул, смотрю — огонёк ползёт по берегу. Сразу валенки обул, полушубок набросил... Ты чего меня не позвала? — допытывался Колька.

— Да как-то не сообразила.

— Не сообразила она, с ребёнком потащилась, где лёд крепче, не знает... Давай мне свою палку и фонарь!

— Да там ещё ручей.

— После ручья иди домой, — Колькин покровительственный тон успокаивал. Он взял санки, подхватил дочку на руку и зашагал, Аня едва успевала за ним со своей лампой. Дойдя до овражка, Колька поставил на землю Маню, вцепившуюся в него и не желающую слезать. Вдвоём с Аней, сдерживая санки, они спустили их к мокрой чёрной змейке ручья.

— Тащи за верёвку, а я снизу, — велел Колька.

Проваливаясь в снег, Аня поднималась по склону, тянув за верёвку, Колька поднажал снизу, салазки сдвинулись, перере-

зав ручей, с хрустом раскрошив лёд по краям, старуха мотнула головой, едва не вывалившись. Но когда санки под углом, выезжая со склона, нависли над ровной поверхностью, верёвка лопнула, Аня упала. Колька, подхватив санки, ловко их выкатил и привязал верёвку.

— Ну, давай, — махнул он рукой.

— Да подожди ты, — ухватила его за рукав полушубка Аня, — доктору скажешь, что я сделала десять уколов, сколько пальцев на руках, ясно? Каждый укол через четыре часа. Порошок развела, пенициллин, он поймёт.

— Ага, — Колька её не слушал, не в состоянии в голове удержать больше двух предложений.

— Десять уколов, запомни! — и, глядя на крутящего головой Кольку, она взмолилась: — Валентина, ты сходи с ними!

— Да схожу, мне по пути... Ты не держи зла на меня, не полюби это. Ну выпила, повздорила, — прощенья Валентина просила, но деньги возвращать не собиралась.

Аня зла на неё не держала, и не потому, что простила: её охватило радостное возбуждение, ощущение праздника, неожиданно прибежавший на помощь Колька ли был тому причиной или осознание, что страхи, заточение, а с

ними и возня со старухами позади. Груз последних дней сброшен, она избавилась от него и отныне принадлежит самой себе. Ей так хорошо и свободно дышалось у реки, утонувшей в снегу и темноте. И зачем ругаться с какой-то толстой грубой бабой, заранее зная, что деньги та не вернёт?

— Пока, Валентина, и ты, баба Кать! Слышишь?

— Слышу, деточка, слышу. Ты на могилку ко мне придёшь? С доченькой? — она умоляюще глядела на неё снизу, но Колька рванул верёвку, увозя старуху.

— Выздоровливай! — весело прокричала Аня вслед удаляющемуся тёмному силуэту согнутой маленькой фигурки в санках. И, всё ещё улыбаясь, она, развернувшись, потащилась с дочкой домой, стараясь не сбиться с цепочки своих следов, расплывающихся в темноте.

Радостное возбуждение улеглось, сменившись пустотой: если Петя не появится в течение двух дней, она с Колькой пойдёт искать его в лес. Найдёт, не найдёт — всё равно уедет, как Ленка, потому что есть ребята, отмеряющие, сколько жить Мишке и сколько Пете, и они считают, что их дело правое. Реальность оказалась примитивнее, циничнее, страшнее, а потому Аня не думала ни о зелёном блеске глаз на широкой волчьей морде, ни

об упырях, стелющихся за ней по снегу, — ни о чём, что рождается в голове, являясь плодом собственных страхов, помноженных на фантазию.

Иногда оборачиваясь, она видела медленно плывущий от неё дрожащий огонёк, вот он замер перед рекой, чтобы пересечь её по ещё нехоженому льду, далее, уже невидимым для неё, достичь больницы. Там в просторных палатах коротали зимнее время одинокие старухи из окрестных деревень, экономя деньги и дрова, там в коридоре к титану с водой прикреплена была алюминиевая кружка для сохранности, и на посту дородная, рукастая, привыкшая к пирогам и тяжёлой работе в огороде медсестра и больная обсуждали общих родственников и знакомых.

Аня открыла дверь в тёмный промёрзший дом — кислый запах старости, немощности и немытого дряблого тела. Он проник в каждую шёлку, заусеницу, повис за печкой, запутался в складках занавесок. Не закрывая дверь, она затопила все печки.

Несмотря на съеденный снег, мучила жажда. Она взяла лом и деревянную лопату, пустое ведро с ковшиком велела нести Мане, а сама вновь зажгла керосиновую лампу. Друг за дружкой они дошли до калитки, дочка волочила по снегу ведёрко с греющим ковшиком, Аня впереди с

лампой. Повернув грубую деревянную щеколду и хлопнув калиткой, они спускались к реке, к тому месту, где пацаны брали воду. Она ногой раскидала снег, и опустила лампу, и расчистила лопатой затянувшуюся прорубь.

— Стой на берегу, — велела она дочке и ломом принялась высекать ледяные искры, гаснущие за светлым кругом лампы. Бум — в крошечной темноте гремело над сонными холодными рыбами, бум — над лягушками и жабами в анабиозе. Но вот лом свободно провалился вниз, в чёрную зыбкую дыру, значит, Аня пробила лёд; прорубив небольшую лунку, она опустилась на колени, принялась ковшиком наполнять ведёрко.

— По щучьему велению, да, мамочка? — спросила вежливо дочка, но у Ани всплыли другие ассоциации, и ещё она подумала, что всё сможет и вынесет, а потому мужчина, постоянный, в её жизни совсем не обязателен. И, возможно, его уже нет и не будет, неожиданно встретившегося на пути гопоты посреди вечернего леса. Ещё и трофей прихватят: новенький компьютер. Впереди у неё новая жизнь, и она ожидала её с надеждой, ещё не приняв умом возможную Петину смерть как реальность и не представ перед его истерзанным, одиноким и окоченевшим телом.

Дома она вскипятила полный чайник воды, заварила чай, крепкий-прекрепкий, кирпично-красный. Налила себе в чашку, а дочке в чашку и затем в блюдце, уселись чаёвничать со сливами из Ленкиного компота, мягкими, сладкими, наслаждаясь каждым глотком, чашку за чашкой. Маня, дуя, пускала по блюдцу волны, Аня выпивала не то третью, не то четвёртую чашку; на пороге появился довольный раздумявшийся Колька:

— Доставил!

— Врач смотрел?

— Не, я не стал ждать, дома он. Ему позвонили, чтобы шёл. Про уколы сказал Юле Сергеевне, сестре. Это, как оно, больнице с весны закрывают, хорошо, что успели.

— Валентина осталась ждать врача?

— Не, домой пошла.

— Вот дрянь! Чай будешь пить? — Аня перехватила на себе его быстрый голодный взгляд.

— Не, — смутился Колька, пойманный с поличным.

Он ушёл, но через несколько минут на крыльце вновь затопали мужские ноги, дверь в сени открылась, заскрипели ступени, звякнули петли замка. Аня беззвучно сняла с крюка тяжёлую полутора-метровую кочергу, которой разгребала угли в утробе русской

печи. Невзирая на Колькины заслуги, ему ничего не отвалит-ся...

Глава 25

По пути в Москву, в автобусе, на электричке, сидячем ночном поезде, Петя испытывал необыкновенное возбуждение: вот он увидит мать, отчима — и тогда... Что «тогда», он не мог объяснить, но что-то хорошее, и оно раз и навсегда изменит их отношения, истончившиеся до исчезновения.

Позвонив матери с вокзала, он услышал её обрадованный голос.

— Да, — ответил он, улыбаясь, — скоро заскочу.

Он поверил, что охлаждения между ними нет и он всё надумал, он понял это, глядя на диск телефона, связанный с матерью одной линией, и никого, кроме них, не было.

Почему долго не звонил? Проблемы были. Судя по голосу, мама решила, что проблемы — это «забыл, некогда». Он не стал пересказывать ей последние события, решив рассказать при встрече.

Он проболтался по городу без цели, зашёл в несколько компьютерных магазинов: деловые мальчишки в белых рубашках, при галстуках. Выраженные лица: я всё знаю, а ты хоть

мышку в руках держал? Петя сник, а тут ещё и очередь, у одного из мальчишек спросил про Intel 386 (Pentium). Из слов мальчишка ничего не понял, кроме того, что он редкостная дубина, и на вопрос, будет ли брать, ответил: «Возможно». И вышел. Результат его гуляний был нулевой, убивая на морозе время до прихода матери с работы, он поражался столичному размаху, беспредельному! Можно строить всё! Денег — море, хоть зажмурься! Пете после трёх месяцев вынужденного уединения в деревне показалось, что вот это она и есть, жизнь, бурлящая, интересная, проходящая мимо него и потому обманувшая его. И, пока не поздно, необходимо ухватить её за хвост: работать, проектировать, профессионально соответствовать в его понимании нормальному уровню, то есть совершенно заоблачному. Каким же бесцветным ему показались и поход в сельмаг за хлебом, солью и спичками, и вылазка по воскресеньям за мясом, валенками и сменой постельного белья! Даже поездка на лошади за дровами — и та побледнела: звук топора, отдающийся эхом в пустом лесу, треск падающего сухостоя, дрогнувшая земля под ним. Он чувствовал себя обделённым провинциалом, даже нет — деревенщиной неотёсанной против огромных, как автобусы,

чёрных блестящих автомобилей, мигалок, дипломатических номеров. Но не только он, но и заказчики его перед московскими — шелупонь! И как бы они пальцы веером ни растопыривали, сколько бы цепей на себя ни вешали — всё равно мелкота, планктон для крупных столичных китов. Оттого и задачи у Пети попроще и менее интересные, как и способы их воплощения.

Застигнутая врасплох мама успела соорудить некоторое подобие стола. Звонкие поцелуи, возгласы, внезапно начатые и неоконченные фразы — всё разом оборвалось, когда Петя рассказал об охоте на него, не посвящая в подробности. Мама, опустив глаза, звякнула вилкой о тарелку, Петя неестественно улыбался, пытаясь сгладить ситуацию. Положение прояснил отчим:

— Ну, ты где остановился?

Мама вздрогнула, Петя сжался. Соскучившись, он не заметил, что его окружало всё чужое: город, куда после демобилизации отчима переехала семья, квартира, мебель, подросший брат-студент на фотографии. Ему не находилось места в этом уютном мире, из которого он ушёл по своей воле чуть менее половины своей жизни назад. От него отвыкли и уж тем более не видели и не желали видеть его проблем. Давно нет

матери, целиком принадлежавшей ему, как до семи лет, и была ли она, или это плод его детских полувоспоминаний-полугрёз? И кто он для неё, если не дядька с волосатыми руками? Нет больше мальчика, боявшегося воспитательницы.

Мама расправляла и расправляла бумажную салфетку, Петя сосредоточенно разглядывал вилку в селёдочнице с кольцами лука, кружками нарезанную копчёную колбасу в тарелочке, далее его взгляд скользнул на пакет с соком. С нарастающим стыдом он следил за мамиными пальцами с розовыми накрашенными ногтями, непрерывно двигающимися по шершавой бумажной поверхности. Из них троих за столом только отчим сохранял невозмутимый вид, разглядывая то одного, то другую. Он не выпивал, не ел, он выжидал, выжимал щенка со своей территории, защищая от вторжения пасынка своё пространство.

Не поднимая глаз, Петя встал, вежливо поблагодарил «за всё», сославшись, что ему пора, что вечером поезд и ещё разные дела, а приехал он специально сообщить о себе, предупредить, разговор нетелефонный.

Мать, бегая глазами, сделала вид, что поверила.

— Ты бы поел и дождался брата, увидел бы, какой он стал

взрослый, — её лицо просияло, — усы растут уже.

В прихожей, оставшись с ним наедине, она попыталась сунуть ему деньги.

— Уж что-что, а деньги у меня есть, — Петя не мог ей смотреть в глаза.

— Ты звони, не пропадай...

— Звонить мне вам как раз не следует, а дурная весть, как ты любила говорить, доходит быстро.

Петя поцеловал мать, весело помахал отчиму рукой и закрыл за собой дверь с твёрдым намерением больше здесь никогда не появляться. Петя шагал прочь, осыпaeмый снегом, мягким, пушистым, и, возможно, только он и был светлым в его жизни в последнее время. Вдобавок, смутившись от приёма, он забыл у матери шапку с перчатками, и ни нахлобученный капюшон, ни поднятые плечи, ни задраенная молния никак не могли защитить от встречного ветра, обжигающего уши, леденящей змеёй обвивающегося вокруг шеи. Петя сжимал и разжимал кулаки в карманах, пытаясь согреть одеревеневшие пальцы, но только нащупал ледышку мелкой монетки и загнал под ногти несколько песчинок, затерявшихся в швах.

«Выгнали, — шептал он, — выгнали. Тоже мне пуп земли: Мытищи! Центр европейской

цивилизации, блин! Не задали ни одного вопроса, кроме ночлега! По барабану! Вечно я лезу со своею любовью! Припёрся с цветами и конфетами!»

Негнушимися пальцами он протянул в кассу деньги за билет. Знал бы, что всё так выйдет, купил бы компьютер и на ночном поезде вернулся. Завтра был бы уже дома. Какое здесь всё чужое! Даже названия станций: Перловка, Лось, Лосиноостровская! Дурацкая конкретика! То ли дело Соломбала, морская галька, горячий кусочек пирога, гоняемый во рту, или Нёнокса, что-то северное, даже ненецкое, непонятное; или Оккервиль, Тярлево, Хиндикалово, Сяськелево — наследие чухонцев, под корень истреблённых во имя светлого будущего и дружбы народов молодой Советской республики. И, как за соломинку, он ухватился за воспоминания о море, Белом, когда в преддверии белых ночей вечно сияющее солнце пробивает покров запелёнутого высокими облаками неба. Нигде больше Петя не видел такого яркого рассеянного освещения, даже в более южном Питере.

Детское желание и злость вызывали у него стремление мгновенно достичь в жизни заоблачных высот, стать архитектором, маститым, изучить этот несчастный автокад, 3ds Max, построить

здания, за которые не стыдно. Пусть эти заискивают перед ним, он знает им цену, низкую.

Раздвижные двери впустили Петю в пустой вагон, холодный. Из Москвы вечером по окраинам людей развозили в тёплых вагонах, а обратно, с такими, как Петя, гнали в неотопливаемые. Первым импульсом было бегство с Ярославского вокзала на Ленинградский, покупка билета на ближайший поезд, на боковую полку, у сортира. Но как объяснить вояж Ане, сознаться про родителей, что выгнали на ночь глядя? Ознакомившись с интерьерами Ярославского вокзала (туалет, буфет) и успокоившись, Петя купил путеводитель с перечнем гостиниц и, сидя в зале ожидания в обнимку с драгоценной сумкой с деньгами на компьютер, жуя пирожок с повидлом, — теста много, начинки мало — искал свободный номер.

— У нас есть номер для новобранцев, — услышал он в трубке деревянный женский голос.

— Идёт, — согласился Петя из любопытства, в номерах для новобранцев он ещё не останавливался.

— С восьми до десяти у нас завтрак в кафе на этаже, — сказала девушка на ресепшен, когда Петя заполнял анкету и расплачивался за две ночи вперёд.

Упоминание о завтраке Петю слегка заинтриговало, и, взяв

ключ на круглой деревянной колобахе, он стал подниматься к себе на этаж.

Гостиница, давшая ему приют, боролась за существование, выживала как могла в отсутствие большого, и даже не очень, числа постояльцев. Нижние этажи арендовали разного рода «Рога и копыта», превратив номера в офисы, здесь были и парикмахерская, и продажа канцтоваров, и автошкола. Ведомственная в прошлой жизни гостиница принимала командированных и повышающих квалификацию со всех концов страны. Вечерами специалисты с бутылками и стаканами радостной гурьбой навдывались из мужского номера в женский, и если в больницах, на продавленных матрацах и потных скомканных подушках, не одна жизнь заканчивалась, то здесь она зарождалась.

«Ох, посмотреть бы на проживавших здесь новобранцев», — подумал Петя, открывая хлипкую картонную дверь в свой номер. Он включил свет. «Беда лаги! Турецкая роскошь с рынка!» Детально ознакомиться с интерьером он не успел, рухнув в двухспальную кровать, застеленную вырвиглазным зелёным шелковым бельём, о которое неприятно царапались его шершавые огрубевшие руки.

Проснувшись поздно, он едва успел на завтрак.

— Вам с майнезом или без?
— спросила женщина в буфете, предлагая холодное крутое яйцо.

Проглотив завтрак молодожёнов (яйцо с синюшным белком и солнцем желтка внутри), залив его чаем из пакетика, Петя спустился вниз. Его внимание привлёк один из офисов; если верить информации на двери, фирма занималась установкой программ. Постучавшись, он зашёл и был сражён обстановкой: толстые мониторы, коробки с дискетами, принтеры, большие, маленькие, всё опутано проводами.

«Вот это жизнь!» — с восхищением подумал он. А у него вода в колодце, солёные грибы в сенах... Верилось, что научно-техническое будущее здесь, в помещении в двадцать с небольшим метров.

Два находящихся в номере парня вопросительно на него посмотрели.

— У меня компьютер, Intel 386, нужно программы поставить.

— Базовый пакет?

— Да, но ещё и AutoCAD, и 3ds Max.

— Послезавтра устроит?

— Нет, ребята, — настаивал Петя, — завтра я уезжаю.

— Вне очереди полуторный тариф.

Согласившись, Петя купил в строительном магазине полиэтилен, скотч, верёвку и детские

санки советского образца, необходимые для упаковки и безопасной транспортировки через лес. Из строительного магазина, где он чувствовал себя как рыба в воде, Петя отправился за подарками своим девочкам. Стоя посреди торгового зала, ослеплённый ярким светом и тысячами бликов разнообразнейших флаконов с духами, утонув в их ароматах, он не мог задержать взгляд ни на чём и только кивал в ответ на щебетание поспешившей к нему девушки-консультанта. Нюхая бумажки, которые она ему подавала для сравнения, Петя терялся ещё больше. Название «Роеме» пришлось ему по душе. Почувствовав, как гора у него свалилась с плеч, расплатившись за флакон, он решил купить Ане ещё и крем для рук, только хороший, а то цыпки у неё от этого деревенского быта и мороза. С подарками для дочки было куда проще: кукла, ещё кукла, мишка, заяц, сказки и что ещё попадёт под руку.

После французской парфюмерии поход за компьютером к мальчикам, смотрящим на всех свысока, нисколько не тяготил. Петя не стеснялся задавать вопросы, выясняя характеристики и стоимость. Очень скоро с монитором и системным блоком он вылезал из такси у дверей «отеля» и, поймав на коробках

взгляды таксиста и двух прохожих, пока шёл от машины с сокровищами, а также нескольких человек в холле, понял, что расставаться с приобретением нельзя ни на минуту. А потому он терпеливо сидел в офисе, ожидая, когда компьютерный гуру, маленький сутулый человечек с аккуратными ручками, бегающими по клавиатуре, установит завораживающе незнакомые «винду», «прожиг». На все вопросы Петя кивал.

— У меня есть свои примочки для автокада.

— Что? — переспросил Петя.

— Нахлобучки, — пояснил гуру.

— Это как?

— Стили печати, шаблоны новых файлов, автоматический подсчёт площадей, там много чего.

— Давай-давай.

— Я могу распечатать в виде инструкции, и к фотопешине с офисом тоже.

Вечером, обмотав коробки газетами и полиэтиленом, чтобы не привлекать внимания к тому, с чем они, застегнув их вещевыми ремнями и взяв санки, он прощался с девушкой на ресепшен, сообщив, что на вторую ночь покидает брачную постель. Далее были такси, поезд до Боллогого, душный общий полутёмный вагон, пересекаемый вспышками светом прожекторов.

Петя не знал, спал он или нет, но, открывая глаза, чувствовал, как редкие слёзы скатываются на scomканную подушку. Стыд за себя и мать гасил волну ярости. Они его предали. Пусть она лебезила перед отчимом, но ведь не остановила Петю, знала, что идти ему некуда, но не остановила. О чём они говорили, когда дверь за ним закрылась? Молча сидели? А потом мама спросила, не хочет ли отчим горячего? Буднично спросила или чтобы прервать давящее молчание? «Тебе гарниру побольше или достаточно?» Думала ли мама, что может его больше не увидеть, живого, или хотя бы, что он голоден, что голова идёт кругом от запахов с кухни? И чем дольше Петя лежал без сна, чем больше думал о подлости тех, кого считал близкими с рождения, тем больше испытывал сладостную боль, заставляющую его ещё раз и ещё вспоминать лицо матери и слова отчима. И когда он, окружённый спящими неопознаваемыми попутчиками, темнеющими на нижних полках, верхних, боковых, готов был в исступлении вскочить и с криком рвать простыни, полотенце, всё, что попадётся под руку, тогда в наивысшей точке Петя сказал себе: «Всё. Они чужие». Ему захотелось увидеть Аню, дочку, немедленно, сгрудить их, забыть весь этот кошмар, почувствовать,

что он нужен, заснуть, зарыться в одеяло, забыться. Стыд, что много лет не понимал, что лишний, заставил его сникнуть до усталости, а потом успокоиться. Он постарается, очень постарается держаться подалеке и от них, и от их города, кольцами, щупальцами расползающегося в бесконечность.

Под утро, с наслаждением вдыхая свежий воздух, он сошёл в Бологом с поезда, чтобы в окружении своих коробок, сжавшись от бессонной ночи, влаги и холода пустынного зала ожиданий, следить за стрелкой вокзальных часов. С первой электричкой он доедет до Окуловки и уже там на вокзале будет ожидать электричку на Малую Вишеру, а затем автобус, после которого он один пройдёт сквозь неузнаваемый вечерний зимний лес, вспоминая рассказы классиков литературы о метелях, голодных волчьих стаях и блуждании в ночи. Боясь, что река ещё не встала, Петя поехал в обход, по тому же маршруту, что и по пути туда, и при бегстве три месяца назад. Лес он теперь знал, ориентиром служила река, он возвращался домой, остановить его ничего не могло.

Автобус доставил его в погружённую в сумерки деревню в пять часов. Согревшись и расслабившись, Петя продрал глаза

под звук двух отъезжающих небольших фургонов. Не разглядев их, он провозился с санками и коробками и двинул вдоль домов с прочно закрытыми дверями, с призывно горящими окошками, а чаще нежилых, тёмных, промёрзших, наглухо заколоченных. На границе этой деревни, где ещё кое-где теплилась жизнь, и дикого, необъятного поля расползалась змеями потемневшая позёмка, взбивались в пыль сугробы, из черноты, из небытия, из полузабытых экранизаций и произведений девятнадцатого века и мультиков бросалась стая волков с ощетинившимися спинами, с горящими глазами. Разлетающийся в непроглядную бесконечность поля крик: «Во-о-о-олки-и-и-и!!!» — и, кляца зубами, голодная свора догоняет храпящую лошадь, запряжённую в сани. Под скрип снега под ногами Петя щёлкнул кнопкой фонаря, чахло надеясь, что его свет, как и огонь, отпугнёт стаю клькастых оборотней.

С конца осени ближе к ночи из леса нередко доносился волчий вой, далёкий, тоскливый, и ему в ответ раздавался ещё один, и ещё. Теперь в лесу с волками находился Петя, совершенно один, и на километры и более вокруг простиралось безлюдье. Сотни раз подряд он называл себя и придурком, и дебилом за

выбранное время поездки и за саму идею. Но если волки всей стаей существовали в сознании Пети, то вывороченный снег, гусеничные следы, перебивающие тропинку, были реальны. Похоже, что шли мужчины, на автобус. Шагая, Петя надеялся, что следы свернут в сторону, в лес, в поле, но нет. Они тянулись со стороны его деревни. Несколько месяцев там не появлялся ни единый посторонний человек, а теперь за один раз прошла толпа в его отсутствие. Не отрывая взгляда от тропинки, Петя одновременно дрожал от страха и напряжения и обливался потом от усталости. Он шёл к Ане, в нагрудном кармане куртки волновались в такт каждого шага духи «Роете», предназначенные для неё, и, раскачиваясь в темноте леса, скрипели ели, заваленные снегом. С одной из них, с раскидистой пружинистой лапы, соскользнул отяжелевший ком, упав Пете на голову, вызвав мгновенный шок, крик, отозвавшийся эхом, разверзнувший звенящую тишину. Успокоившись, сбив снег, Петя ещё долго ощущал, как он, тая и медленно согреваясь, каплями течёт за шиворот по спине. Как при бегстве осенью, лес, наконец, раздвинулся, уступив деревне: Петин дом сиял яркими лучами из всех щелей сеней и крыши. Петя почти побежал, чувствуя, как горло

заледенело от частого дыхания. Взлетел по ступенькам, распахнул дверь — тепло, и Аня с кочергой. У-у-у-фф!

— О-го-го-о-о! — Маня с разбегу скакнула на него, обняв колени.

Аня выронила с грохотом кочергу, вскрикнула и разрыдалась.

— Что, что у вас стряслось? — выпалил он с порога, сгребая прыгающую от радости дочь, но Аня ничего не могла ему ответить, дёргаясь в такт рыданиям. Её почти детские маленькие руки, которые Петя так любил, терзали острые колени, а искорёженное покрасневшее лицо обрамляли оцетинившиеся иглами стриженные засаленные волосы.

Дочка отпрянула от Пети и, обернувшись к матери, выпятила губку, испуганно набычилась и разревелась. Петя бросился к Ане.

— Вы чего, Аня с Маней? — неловко обнимая и глядя своих девочек, он менее всего чувствовал сострадание, был деревянным истуканом, неспособным унять этот вселенский рёв. Стоя на коленях, по-дурацки согнувшись, он непрерывно повторял:

— Ну, хватит, хватит...

— Пацаны приезжали, — наконец выдавила Аня сквозь лающие всхлипы.

— Как?! — запаниковал он. — Они что-нибудь сделали вам?

Что? — Петя имел в виду вполне конкретные действия, не что-нибудь.

— Ничего!

— Слава богу, — обессилев, Петя вытянул на полу ноги.

— Я сидела запертая дома, они не знали, — она судорожно вздохнула и резко успокоилась, взяла к себе перепуганную дочку. — А ты, как всегда, меня бросил!

Петя так расстроился, что не смог оправдаться, что предлагал поехать вместе, забыл про духи, купленные к Новому году. Он промолчал, ощутив запоздалую вину.

— У Наташи на квартире оставил перед дверью, а в прошлом году... — список мог быть продолжен, но Петя нетерпеливо прервал:

— Так что было?

Анин рассказ выглядел блёкло, как в своё время и Петин. Слова нивелировали переживания и опасность: провалившись под лёд старухи, гопота на снегоходах, жажда и нехватка воды, пневмония... История как чужая, не про неё, надуманная, скомканная.

Петя снял с себя дочку, вручил ей куклу, книжки для литературного воспитания и деревянную дудку для музыкального. Маня убежала в «залу» беспрепятственно скакать на кровати

или карабкаться на неё и прыгать на пол снова, снова и снова, для удобства спихнув на пол подушки. Она столько времени без движения сидела в тёмной избе, слышала шёпот, говорила шёпотом — и, застоявшись, вырвалась на свободу, не встречая сопротивления со стороны родителей.

— И я пришёлся с компьютером, дурак! Не понимаю, как они на нас вышли? — Петя понуро сидел, подперев голову, за пустым столом, вернувшись из комнаты дочка залезла ему на колени и, крутя головой, дудела в подаренную дудку.

— Как-то через Виталия.

— Вот это нюх! А на него как?

— Не знаю, но он рассказывал, как проехать, и толкал свою антику.

— Господи! — Петя вздрогнул. — А я ещё думал, почему эти два фургона так похожи на пацанские! Я, когда в автобусе туда ехал, увидел их в следующей деревне, и обратно та же картина! Я с ними дважды разминулся, минут на десять! Я на дневной автобус опоздал, а так бы...

— Если б в лесу встретил, у них не было бы проблем.

Петя мотнул головой.

— Я домой после автобуса шёл, думаю, народ повалил в наши края, тропа появилась, следы от снегоходов. А это они, блин!

— Я решила два дня тебя ждать, потом с Колькой идти в лес. Весной снег растаял, точно бы тебя нашли...

— Ещё скажи, изгрызенного дикими зверями.

— Да, с изгрызенными носом и гениталиями, — хохотнула, расслабившись, Аня.

— Не смешно... — Петя засопел. — Вот так... Архитектор — мирная профессия, созидательная. Но они нас везде отроют, хоть иди к ним на закляние.

От того, что они оба не знали, как пацаны вышли на Виталия, ситуация казалась ещё хуже, чем тремя месяцами ранее.

— Куда нам деваться? Эти железные челюсти клацают по пятам. Машина по перемалыванию костей. — Петя был совершенно раздавлен усталостью, известием. — Пацаны, я думаю, уже вмазали Виталию, что жильцов нет, и он припрётся проверять. Уезжать надо.

— Ещё Колька точно растрезвонил о нас на том берегу, он прямо светился, когда про пацанов рассказывал.

— Тем более уезжать... Завтра, восьмичасовым автобусом с того берега.

— Ты что, с ума сошёл? — оторопела Аня,

— А если Виталий завтра припрётся?

— Значит, ночь не спать и собираться. А как я грибы солёные

возьму? Если в несколько полиэтиленовых пакетов? Ленкино варенье осталось, пара баночек.

— Кстати, о харчах, — оживился Петя. — Я голоден.

И, жуя, он философствовал:

— Несколько здоровых мужиков почти четыре месяца озабочены, как бы меня убить! Это их работа. И таких группировок в крупных городах десятки, если не сотни. Спрос рождает предложение. Италия в эпоху Возрождения представляла собой гигантскую художественную мастерскую, вся страна, в Нидерландах на рынках продавали натюрморты и жанровые сценки, повсеместно, как сейчас картошку. В обществе была потребность в художниках, как у нас в шестидесятых годах в поэтах-романтиках или в тридцатых в сотрудиниках НКВД. Сейчас востребованы ребята типа Семёныча с Витей и их шестёрок, книжки, даже с картинками, пейзажи таким без надобности, в лучшем случае постер с голой бабой.

— Особо метким стрелкам нужны архитекторы.

Петя хмыкнул, достал из шкафчика бутылку Мишкиного самогона, налил его в стопку, золотисто-коричневый, настоящий на дубовой коре.

— Ну, Мишка, пусть земля тебе будет пухом, — хлопнул в один глоток, крякнул, смачно закусил солёным грибочком.

— Не получилось у нас с тобой встретиться. Я надеюсь, нескоро ещё увидимся, уж я постараюсь, — Петя ещё выпил, и ещё, с каждой следующей стопкой погружаясь во всё большее и большее уныние.

— Так, Петя, хватит с покойниками разговаривать! Иди к реке, носи воду, будем с Маней в тазу мыться, мы три дня не раздевались. С реки лопату и лом заberi, я их не донесла.

Но прежде чем усадить Маню в продолговатую оцинкованную шайку с тёплой водой, намылить ей голову, поливая из ковшика, вытереть полотенцем и уложить спать, чистую, порозовевшую, Аня вышла с ней на улицу. Она обещала дочке повесить гирлянду из цветных льдинок, ту самую, что забыла спрятать в сених и поленилась повесить на улице накануне приезда пацанов, ту, что делали к Новому году.

Запомнит ли Маня, как Петя страхнул снег с чёрных корявых ветвей яблонь у дома, как протянул гирлянду ледышек от одного дерева к другому, как Аня подняла керосиновую лампу, просвечивая насквозь подвешенную цветную льдинку? Маня скакала от восхищения, но больше от радости, что все вместе. Пронесёт ли она воспоминания хотя бы до конца детства, или они смешаются со снами, или послужат

основой для других, более ярких? Запомнит ли их или только страх последних дней?

Свет из дома освещал их троих и, усиливаясь их общей радостью, оставлял на искрящемся пушистом снегу тёплые жёлтые прямоугольники окон.

Петя набрался храбрости.

— Я духи тебе купил, «Роме», французские, — выпалил он, вынимая из-за пазухи заветную коробочку.

— Класс! — она взвизгнула, запрыгав в снег. — У меня такой пробник был!

— Правда?! — выдохнул он.

Глава 26

Наутро Аня оглядела оставленный дом: посуда не вымыта, пол мокрый и грязный, постели вывернуты — раздолье для крыс.

— Ну и срач! Знаешь, — она повернулась к Пете, — после всего случившегося я даже рада: хозяева лучшего не заслуживали. Получайте!

Погрузив часть вещей на себя, привязав часть к аутентичным салазкам, компенсацией за моральный ущерб забрав их взамен новых, советских, они потянулись по протоптанной тропинке на противоположную сторону реки. Всё как накануне. Деревня исторгла их, как и строгий северный город с флёром пацанства.

Они прошли в темноте большую часть поля, спустились в овражек, к ручью, журчащему под свежей коркой льда, втащили санки вверх и добрались, наконец, до берега, до места перехода. Аня оглянулась: белое русло реки терялось, поглощаемое чернотой. Они в темноте приехали сюда, в темноте уезжают. Теплящаяся жизнь поглощена ночью, и ни звёздочки, ни огонька, ни очертаний прилепленной на изгибе реки деревни, где ей было так хорошо, — всё спит, тихо-тихо. Приезд пацанов и Мишкина смерть отодвинулись, уступив в памяти место тихому, размеренному течению времени, оставшемуся в прошлом.

День ото дня, остывая, река опускалась вниз, при своём движении кроша и обламывая у берегов накрепко приставшие куски льда. Петя присел на один из таких нависших кусков, спустил ногу на лёд, потом вторую, потопал ими, постучал палкой, перетаскивал санки, после чего взял на руки дочку. Следом спустилась Аня, и они медленно двинулись через реку. На самой середине реки лёд под ними в темноте грохнул, ухнул, и вслед за звуком расходящимися змеями под снегом побежали трещины. Но прежде чем сообразить, что это выпесняемый пузырь воздуха, Петя мысленно солдатиком провалился с дочкой в образовавшуюся

полынью, ногами коснувшись дна, и, оттолкнувшись, всплыл ниже по течению, с силой упёршись в крышку своего ледяного гроба.

Наконец Петя ступил на берег, помог Ане. Они сели в пустой автобус и покатали прочь от этих мест. О состоянии бабы Кати Аня не узнала, заскочить времени не хватило, а спросить двух попутчиков постеснялась, только и проводила взглядом низкое здание больницы, горящее всеми окнами. «Градусники принесли», — подумала она, решив позвонить с почты на трассе, и автобус оставил позади деревню и сливающееся с тёмным молчаливым лесом кладбище, где под сугробом в мёрзлой земле лежал всеми забытый Мишка. Городок на трассе встретил их зимним уютным, тихим полусном-полудрёмой. Засыпанный снегом, неброский, он сменил так поразившее их когда-то осеннее буйство красок на десятки тысяч оттенков белого, коричневого, серого, а зажжённый в окнах свет манил зайти в дом, хоть и чужой.

На почте телефона больницы не дали. Не удалось по межгороду дозвониться до Полины Карловны, она с утра куда-то ушла. К подруге Тане пришёл врач, и она не смогла разговаривать. Зато антиквар Виталий быстро снял трубку.

— Ну, спасибо за гостей.

— Это кто?

— Пётр.

— Я тебе никакие клятвы не давал.

— Верно. Ты скажи мне, как они на тебя вышли? Любопытно.

— Да мать пристала ко мне, как банный лист, припёрлась к вам домой, оставила телефоны.

Петя был сбит с толку, на миг ему показалось, что он, как обычно, неправ, сподличал, оставив в доме полнейший беспорядок. Вспомнив, что Виталий фигурки скабрёзные предлагал, приободрился.

— Оставь маму в покое, — сказал он твёрдо не то ему, не то себе. — Ты взрослый дяденька. Кстати, зачем пацанам товар толкал?

— Это не твоё дело.

— Не моё. Ты собирался приехать, когда река встанет?

— Ну, собирался.

— Ключи на крыльце под чугунком. Давай-давай, уберёшь за нами, — Петя глядел в зал почты через стекло переговорной будки: толпившиеся с утра люди заполняли какие-то бланки, ждали своей очереди, получали посылки под удары штемпелей, к его разговору не прислушивались. — Ты ведь знал, зачем они приезжали?

Виталий молчал.

— Думаешь, с того света звоню? Ну, будь здоров.

Надо дальше ехать, но куда, они не знали. Ближайший автобус шёл на Валдай.

— Вы чего, беженцы? — ворчал водитель, распихивая их вещи с санками.

— Типа того, — кивнула Аня.

— Я думал, их нет больше.

— Это вечная тема, — Петя подтащил коробку с монитором.

Сидя на переднем сидении у двери, они смотрели, как в сизых утренних сумерках за сплошной завесой снега перед ними бежит позёмка, указывая путь.

— Это хорошо, что на Валдай, — рассуждал Петя. — Там рядом монастырь, можно спросить, не нужны ли богомазы где-нибудь в Архангельской области или Вологодской, подальше. Мы якобы беженцы, но желаем Север возрождать. А? Как тебе?

— Ты серьёзно?

— Конечно, серьёзно.

— А что, прикольно. Назад, в девятнадцатый век.

— Я в армии всему политотделу иконы писал, деревьях с обратной стороны покрывал морилкой. Это для личного пользования, а для служебного — транспаранты на плацу с армейскими пословицами и поговорками: «По уставу жить — Родине служить!», «Живёшь по уставу — завоюешь честь и славу!» — Петя замолчал, мечтательно погрузившись в былые армейские будни.

— У меня задержка.
— Круто, — встрепенулся он.
— Почему так вышло?
— Времени свободного было навалом.
— Значит, нас теперь четверо.
— Только таким, как я, в монастырь нельзя.
— Я пойду, — вызвался Петя.
— Знаю. В женский.
— В женский. Можно в Череповец поехать, большой город, на стройку наняться, на квартирах я многому научился, могу кафель класть, могу штукатурить.

— Лучше в Москву.

— Вот куда сейчас нельзя, это в Москву. Там нас точно найдут. Я где-то ближе к лету позвоню Лёшке-сантехнику, узнаю ситуацию у пацанов. Если мы не в городе будем жить, то возвращаться лучше осенью.

— Я в Москву хочу, я с рождения живу в Питере.

— Не хочу я туда, совсем не хочу, да и трудно с нуля начинать.

— Другие же начинают.

— Козлика потеряла! — закричала Маня и зарыдала на весь автобус.

— Не потеряла, — утешала её, глядя по головке, Аня, — я его убрала в сумку, далеко-далеко, потом достану.

Судорожно вздохнув, девочка замолчала.

— Сплошные потери от этих переездов, то корона, то козёл, — прошептала, смеясь, Аня Пете на ухо. Ей легко и весело было болтать с Петей обо всём, как раньше.

— Зато салазки классные прихватил, — подхватил Петя. — Домой обязательно привезём.

— В Москву.

— Далась тебе эта Москва, спустись на землю. Доедем до Валдая, будем искать ночлег. Может, с утра в Бологое и уже оттуда куда-нибудь.

Совсем скоро Новый год. Они строили планы...

Глава 27

Дела в фирме пацанов неуклонно шли плохо, и, что ещё хуже, предпосылок для улучшения положения не наблюдалось никаких, даже осенняя ликвидация конкурента принесла больше проблем, чем выгоды. Ребята даже от безысходности по примеру князя Игоря трижды нагрянули на тех, кого по своим понятиям считали должниками, но то, что удалось вытрясти, доходом назвать было сложно. Хотя, казалось бы, строительство дач, ремонт квартир, офиса завершались другими архитекторами, вызывающими нарекание, так как привыкли к Пете, и денежные вливания в соб-

ственную недвижимую логично сократились, но при этом сами поступления превратились в прерывистый полуживой ручеёк. Разрозненный холдинг привычного дохода не приносил. На его балансе висели и мастерская по производству диванов и кресел, на которых невозможно было ни сидеть, ни лежать, лимонадный цех в Ленобласти, представляющий из себя раскрошенные куски фундамента, и песчаный карьер, до которого не доехать, и прочие огрызки производств и недвижимости, захваченные в эпоху активного дележа. И это не считая охраны с вольнами, двоюродных и десятиродных братьев и сестёр Семёныча с Витей, пристроенных к себе в фирму из-за покровительственных понтов, а также бутиков жён с тремя обвисшими платьями и осоловевшими от безделья продавщицами салонов красоты. Хорошо, что из леса, дававшего постоянный доход, братву пока не вытесняли, не почуяли пока запах гнили и разложения.

Владели всем перечисленным добром на разных правах Семёныч, Витя, Андрей и нагрывший Сашок, то есть четверо. Что много, поэтому мысли у всех работали в одном направлении: делить деньги приятнее на меньшее число игроков. Совместный бизнес нуждался в острейшей оптимизации.

В конце февраля Семёныч неожиданно предложил Андрею:

— Пойдём, отпразднуем мальчиковый праздник.

Андрей внутренне напрягся: Семёныч назвал ближайший ресторан, который явно для еды не годился.

— Я не служил, сидел.

— Я тоже.

В ресторане они пили, закусывали, Андрей молча ждал: «Ну, когда? Когда тебя пропрёт?»

— Жучок у себя нашёл, — Семёныч, не моргая и жуя, уставился на него.

— А я тут при чём? — пожал плечами Андрей.

— Ни при чём, поэтому позвал.

— Что думаешь? — Андрей осторожничал.

— Либо они нас, либо мы. Кто быстрее.

— Они знают, что ты нашёл?

— Нет, поэтому его оставил.

Андрей кивнул:

— Правильно.

— опередить их надо.

— С кого думаешь начать?

— Ну, не с Сашка же, если не подействует, продолжим, — Семёныч вяло жевал кусок резинового стейка.

— Почему он Витю за яйца держит?

— Причина имеется, — стейк был явно не для зубов Семёныча, прошедших зону. Пришлось

выплюнуть в тарелку и чуть отодвинуть в сторону, не глотать же.

— Не хочешь говорить, не надо.

— Да я сам толком не знаю, но Сашок и меня заложить может, а потом и тебя.

— Витю не жалко? — усмехался, поинтересовался Андрей.

— Слушай, мы с ним тут сошлись, вроде как земляки. Дома в Себеже едва знали, — Семёныч развалился, покончив с пережёвыванием.

— Поторопиться надо.

— А то. Есть идеи?

— Пока нет.

— Думай.

Андрей для вида замолчал: заманчиво разделить между собой весь доход конторы. Думал об этом он давно, детально прорабатывая возможные варианты относительно не только Вити, но и глядящего ему в глаза Семёныча. Попытка избавиться от компаньонов полтора года назад сорвалась. К счастью, более простодушные Семёныч с Витей ничего не заподозрили, но Андрей притаился, ждал удобного случая. Сейчас он подвернулся с другими участниками с обеих сторон. Но тоже неплохо.

— Обоих надо одновременно кончать, так и безопаснее, и бабки удобнее делить, — Андрей сразу перешёл к делу.

— Организовать надо хорошо. Берёшься?

— Деньги нужны.

— Да.

— Потом распилим всё. Тебе три пятых, мне две, — Андрей намеренно уменьшил свою долю, чтобы не быть следующим. — Если захочешь всю долю, то продам, — он прекрасно знал, что Семёныч быстро развалит фирму со всеми филиалами, которые он, если будет выгодно, может приобрести по бросовой цене. Одно дело — урвать деньги, другое — их сохранить или приумножить, здесь мозги нужны, не только зубы и мускулы.

— Идёт, — согласился Семёныч.

— И разбежимся.

— Это посмотрим, — Семёныч усмехнулся.

Андрей понял, что его недооценивал: в одиночку бизнес вести опасно, могут отжать.

Андрей любил состояние, когда, обдумывая какую-либо идею, он зависал в пространстве и времени, когда почти час или более мог молча сидеть или лежать, не меняя позу, когда всё происходящее вне его размышлений становилось приглушённым, размытым и незначимым фоном, даже возвращение Алины со своими тряпками и чемоданами. Это как медитация, но её результатом являлся почти молниеносный

и безошибочно чёткий бросок, блестящее материальное воплощение поставленной задачи и последующее ощущение необыкновенной лёгкости и расслабленности. Последнее он любил даже больше, воспринимая её как награду за результат. Но и внутреннюю работу, и сладостное бессилие он проживал один, никто ему был не нужен, со стороны казалось: балдеет мужик, слушает Nirvana, Rammstein или просто качается в зале.

Витя с Сашком одновременно скончались от передозировки в офисе. Они вошли туда утром, и до вечера их никто не видел. В офисе, как обычно, сновали люди, ничего подозрительного никто не заметил, только охранник, оставшись один, заметил их припаркованные машины. Постучав в дверь Витино кабинета и не получив ответа, он попытался её открыть. Дверь оказалась заперта, ключи, в том числе и запасные, были только у Вити. Решив позвонить Сашку, охранник услышал звонок в запертом кабинете. Он позвонил Вите — та же картина. Перепуганный страж позвонил Андрею и Семёнычу. «Ща приедем, ничего не трогай», — услышал он их взволнованные голоса. И пока они ехали, он слушал, как разрываются телефоны за закрытой дверью.

Вскрыли дверь: Сашок с раскрытым ртом, полным сжёванных коронок, лежал в неестественной позе на полу, соскользнув со стула, Витя замер в кресле, упав лицом на стол. Станным казалось, что они так много приняли, впрочем, они и раньше баловались, но не слишком серьёзно. Потом были милиция, дознания, изъятие разбросанных шприцов с отпечатками покойных, наркотиков, недопитых бутылок водки, коньяка, на третий день панихида, заплаканные чёрные вдовы и трагические суровые речи Семёныча и Андрея: «Пусть земля им будет пухом, спите спокойно, дорогие друзья, мы вас помним».

Андрей торопил время, своё время: быстрее, быстрее, ещё быстрее, как бегун, приближая финиш. И, с облегчением положив кроваво-красные охапки роз на свежие могилы, ощутил: старая жизнь оборвалась, пружина с силой выпрямилась. Он свободен! Наконец-то. Они с Семёнычем подкинули небольшое содержание вдовицам, чтобы сильно не убивались, часть старых людей уволили и принялись вдвоём отстраивать бизнес, но Андрей понимал, что долго ему находиться в упряжке небезопасно.

К Пете, в связи с новыми событиями, интерес был потерян: сбежал — ну и пусть.

Эпилог

В конце апреля Андрей завершил свои питерские дела и уезжал в Москву, один, налегке. Как он и хотел, Семёныч, поддавшись соблазну, сделался единоличным владельцем фирмы, но это лишь вопрос времени. Свою долю Андрей неплохо ему загнал, кое-что раздробил по разного рода людишкам — в общем, в убытке совсем не остался, но главное, он вышел из случившихся событий сильнее, значительно сильнее. Дела бывшей фирмы сделались для него мелкими, он вырос из этой примитивной борзоты, как из пещерной, из лягушатника. На ум приходили ассоциации с «крысиным волком», когда самая сильная крыса, запертая без еды со своими сородичами, начинает их пожирать, даже отпущенная на волю, а потому себе цену он знал.

Андрей ехал в столицу, обрубив надоевшие пути, имелась у него там тема, и не одна. Вернётся ли он? Всякое может случиться, он об этом пока не думал.

Не чувствуя скорости в своём Volvo, он пролетал насквозь череду раздавленных нищетой почерневших деревень, лесов в молодой зелёной дымке с пятнами упревшего снега на устланной сухими стеблями земле. Ещё до отъезда он решил навеститься в

ту деревню, но с противоположной стороны реки, дать денег, чтобы перевезли. Но чем ближе он подъезжал к месту съезда с трассы, тем более уверялся, что решения своего не выполнит. Что он надеялся там увидеть и, главное, зачем? И только привычка почти ежедневно делать над собой усилие, идя против расслабляющих желаний, заставила его притормозить, съехать на грунтовку. Андрея мало занимали заросшие корявыми деревцами болота, вздувшиеся ручьи с чёрной торфяной водой, пустой лес, пропитанный туманом, потемневшие от влажности стволы деревьев; он смотрел на дорогу, убитую, раскисшую. Тридцать километров по карте оказались почти часом пути, а значит, и часом обратно. Упёршись в реку, он вышел из машины, спустился к воде. Деревня, куда он приезжал зимой, пригуглилась к лесу на противоположной стороне реки, разлившейся, коричнево-мутной, поглотившей голые прибрежные кусты и деревья. Андрей раздумывал, бросить ли здесь машину и самому пройти вниз по течению или всё же проехать через промоины по бездорожью и, стоя на берегу, до хрипоты кричать, вызывая лодку.

Кого звать? Холод и безлюдье. Дурацкая идея — сюда вернуться, но, может, так он избавится от навязчивых мыслей?

Что-то не складывалось во всей этой истории. Он повернул к машине. Поднимаясь по крутому берегу, он скользил по влажной земле, спутанной прелой траве. Его дорогие ботинки на тонкой подошве явно были не предназначены спотыкаться о выброшенный половодьем топляк или сучья кустарника, сбритые бобрами. Носком ботинка он брезгливо отшвырнул от себя игрушку, но тут же подобрал её: это был козёл,

сделанный из лозы, обмотанный блестящей медной проволокой, точно такой же, как ему привиделся тогда на окошке дома.

Андрей вертел в руках мокрую, грязную поделку, он вспомнил, что это за козёл: его таскала с собой Её дочка. Значит, они были в том доме, прятались и бежали из него, как только он с гопотой уехал.

Он найдёт Её, зубами вырвет добычу свою.

Примечания

В тексте использованы фрагменты материалов:

- Новгородского музея-заповедника «Витославлицы»;
- краеведческих изысканий Веры Григорьевны Наумовой, Новгородская область;
- сборника частушек Кирилловского района Вологодской области, 2009 год.